

Войти в бездну

Андрей Мартьянов

Иная тень

«Лениздат»

2007

Мартьянов А.

Иная тень / А. Мартьянов — «Лениздат», 2007 — (Войти в бездну)

За ширмой внешнего благополучия человеческой цивилизации XXIII века скрываются нешуточные проблемы, начиная от фанатиков-террористов и нечистых на руку бизнесменов до опаснейших инопланетных хищников, случайно обнаруженных в одном из отдаленных миров. За этими таинственными существами, получившими название «Иные», и началась большая охота, в которой участвуют военные и спецслужбы великих держав, террористы, наемники и, конечно же, неугомонный доктор Гильгоф со товарищи... В романе читатель вновь встретится с героями цикла А. Мартьянова «Войти в бездну» и узнает, с чего началась эта история.

© Мартьянов А., 2007

© Лениздат, 2007

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	31
Глава четвертая	44
Глава пятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Мартьянов

Иная тень

«...Безусловно, расследование, проведенное независимой группой экспертов под эгидой Организации Объединенных Наций, доказало определенную степень виновности руководства Межпланетной торговой корпорацией „WY“ в трагических событиях на отделенном планетоиде системы Нероид. Мистер Льюэн по-прежнему утверждает, что его подчиненные действовали лишь из лучших побуждений и не следует сваливать вину за происшедшую катастрофу только на представителей Компании. Безусловно, ситуация вышла из-под контроля, но разве возможно было прогнозировать подобное развитие событий и здраво оценить степень опасности, исходящей от существ, обнаруженных на LV-426?

Однако я не могу оправдать варварских действий экипажа крейсера „Патна“ и русских военных специалистов, принявших самое простое, на первый взгляд, решение – все, что потенциально опасно для человека, должно быть уничтожено. Подобная солдафонская этика, неприменимая в цивилизованном мире, привела к еще более трагическим последствиям: полностью разрушен инопланетный корабль, обнаруженный на LV426, и тем самым земная наука потеряла уникальную возможность исследовать творение чужого разума, а возможно, впоследствии установить контакт с иной цивилизацией. Следствием небрежности и некомпетентности русских военных и научных консультантов также стали дикое и неоправданное по своей жестокости истребление нового биологического вида, катастрофа крейсера „Патна“ и гибель выдающегося ученого современности – доктора Рональда С. Хиллиарда, отмеченного человеческим сообществом Нобелевской премией (2261 год, „Создание искусственного разума второго поколения и синтетического гуманоида на биотехнологической основе“).

Исходя из вышесказанного, я могу предположить, что захват «Патны», несанкционированное использование ядерного оружия и дальнейшие действия русских были заранее спланированной в недрах Тайной Службы Российской Империи акцией, направленной на устранение с рынка космических перевозок и торговли полезными ископаемыми основного конкурента в лице компании „WY“. Если это правда, то я могу только поздравить российские корпорации – им с блеском удалась эта сомнительная авантюра, прикрытая именем и авторитетом столь уважаемой организации, как ООН...»

Выдержка из статьи Лоренса Бейджа «Славянская охота». «Нью-Йорк Таймс», 19 января 2280 года

«...Последние новости. ООН сегодня вынесла окончательный вердикт по делу корпорации „WY“, более известному как „Дело Иных“. Уважаемые радиослушатели, теперь мы знаем, как следует поступать с другими цивилизациями, – берите пример с русских! Достаточно одной атомной бомбы, увешанного оружием тупого грома, тыкающего пальцем в красную кнопку, – и контакт с инопланетным разумом установлен!

Скажем спасибо бородачу из Петербурга за то, что он пока не считает инопланетянами американцев. Но похоже, пора вспомнить давние времена, когда каждый уважающий себя фермер строил сначала надежное бомбоубежище, а уже потом дом.

А теперь – прямое включение с продолжающегося бейсбольного матча между „Ред Сокс“ и...»

Из ежедневной передачи компании «Радиокосмос» (США). Ведущий программы – Руби Род

«Кого из них нужно убить?..»

Лейтенант Сергей Казаков (Россия).

Часть первая ГДЕ ЖИВЕТ ДИКИЙ ЗВЕРЬ?

Глава первая ВЫЗОВ В МИНИСТЕРСТВО

20-21 января 2280 года,

Санкт-Петербург, Россия

Б-б-бу-у!

Традиция сохранялась неизменной пятьсот семьдесят лет. Пушечный раскат, грянувший над серо-свинцовыми водами Невы, по которой шли куда-то на запад мелкие льдинки, означал, что в столице Российской Империи наступил полдень. Голубоватый дымок повисел над бастиянами тускло-коричневой крепости, будто раздумывая, подниматься ли ему к небесам или уйти в сторону, по направлению восточного ветра, к стрелке Васильевского острова и Дворцовому мосту.

Утро сегодня было преотличное – в меру холодно, в меру солнечно, да и ветер не особо силен. Каждый уважающий себя горожанин после воскресного рассвета обязательно пойдет погулять.

Правящие особы, к великому сожалению, подобной радости лишены. Нет, вовсе не из-за отсутствия времени или желания. Сан не позволяет, и вдобавок только в сказках можно наткнуться на монарха, беспечно разгуливающего по улицам столицы. Безусловно, Петр Великий мог себе позволить нечто подобное. Так на то он и Великий. И время было совсем другое. Никаких террористов, никаких бодигардов с тихарями, не отходящих и на единый шаг от царственного патрона. Конечно, вполне можно заглянуть в Зимний сад, укрытый со всех сторон стенами дворца и многочисленными системами обнаружения посторонних, но уж поверьте – это никакая не прогулка, а одно расстройство.

Человек, полулежавший на диване и просматривающий доставленные с утра газеты, мог оказаться кем угодно. Внешность еще ни о чем не говорит. Пушистый черный свитер и черные джинсы с мягким ремнем может носить и университетский профессор, и наемный убийца на отдыхе. А если судить по слегка всклокоченной, начавшей сесть шевелюре, короткой рыжевато-коричневой бороде, большим ладоням и стоптанным домашним туфлям на босу ногу, сторонний наблюдатель мог подумать, что перед ним примитивнейший обыватель – какой-нибудь научный работник низкого ранга или входящий в эпоху жизни, подводящую к старости, небогатый художник...

Но.

Человек разместился в не слишком роскошной, однако утонченно-красивой и навевающей спокойствие Ореховой гостиной Большого Зимнего дворца и чувствовал себя здесь как дома. Читал он не «желтую прессу», а бегло просматривал ведущие европейские и американские газеты, напечатанные на английском, немецком и французском языках, да изредка чертыхался под нос. Курил мужчина обыкновенные крепкие папиросы, но пепельница отчего-то была

серебряной, изготовленной в виде осетра с откидывающейся спинкой. Специалист-антиквар подавился бы собственной слюной при виде такого небрежного обращения с раритетом конца XIX века. Будто бы на всякий случай, на боку «осетра» была выгравирована маленькая корона и надпись латинскими буквами: «Faberge».

– Ур-роды, – проворчал человек и с видимым отвращением отбросил в сторону пухлую «Нью-Йорк Таймс», взявшись за доставленную из Парижа утреннюю «Фигаро». Просмотрел передовую статью и снова буркнул: – И эти ничуть не лучше.

Рядом, на столике орехового дерева, стоял маленький приборчик в коричневатом корпусе, явно призванном имитировать стиль гостиной. Гладкие, слегка утопленные кнопки, миниатюрный динамик и два индикатора. Простота и эргономика.

Бородатый мужчина в черном свитере вытянул руку, коснулся аппарата и тотчас услышал донесшийся из изящной коробочки полный готовности голос секретаря:

– Слушаю?

– Алексей Васильевич, уже полдень. Все собрались?

– Сидят, – фыркнули из коммуникатора. – Масса многозначительных взглядов и дурацких разговоров. Только... – Человек, находившийся на другом конце линии, запнулся.

– Что еще?

– Адмирал Бибирев здесь. Уже два раза просил о встрече, но я, как и приказано, отвечал, что вы заняты.

– Бибирев? – Обитатель Ореховой гостиной нахмурился: – Хорошо, пригласи. Остальные подождут. Отправь их к половине первого в Малый зал для совещаний. Я приду. И слушай, кто после тебя заступает?

– Я до девяти вечера, – мигом ответил невидимый собеседник. – Потом дежурство штабс-капитана Снегирева.

– Отлично, – согласился бородатый. – Передай ему все папки, которые я оставил, и скачай файлы с моего сервера, те, что с пометкой «Срочно».

– Не первый день работаю, Михаил Александрович, – не то почтительно, не то обиженно ответили из динамика. – Адмирала звать?

– Я же сказал – зови. – Человек отключил связь, чтобы не тратить время на лишние переговоры с общительным секретарем, быстрым, буквально кошачьим движением поднялся с дивана, уронив газетную кипу, и подошел к закрытому бару. Насколько он помнил, господин Бибирев более всего уважал армянские коньяки. Вот и предвиделась возможность потешить вкусы адмирала флота.

Двери в Зимнем не скрипели, хотя многим петлям было более пятисот лет, но бородатый уловил, что в гостиной появился другой человек. Последний неслышно вошел и, блудя субординацию, остановился в трех шагах от порога. Вот интересно, отчего ботинки адмирала пренебрегают деревянным паркетом и ступают на него абсолютно беззвучно?

– Ваше императорское величество?

– Я за него, – усмехнулся хозяин дворца. – Доброе утро, Николай Андреевич. Понимаю, что пошло предлагать коньяк с утра, но... Обрати внимание – тридцатилетняя выдержка. Густой, как мед.

– Благодарю, – улыбнулся в ответ адмирал. Впрочем, заподозрить военного в высоком, белоснежно-седом старике, облаченном в серый статский костюм с темно-малиновым галстуком, и с преобладающей толстой папкой в руках было почти невозможно. Престарелый бюрократ, не более. Ох, обманчива внешность...

– Как здоровье внучки? – не оборачиваясь, спросил хозяин. – Я ужасно беспокоился. Знаешь, мне кажется, что все-таки ты зря позволил ей пойти в Академию.

– Господи, – вздохнул адмирал, преувеличенно театрально разводя руками. – Ты думаешь, меня спрашивали? От Натальи я получил только заявление наподобие: «Хочу летать, и

все тут! И ты, дедуля, не вмешивайся». И между прочим, эта коза сдала экзамены с пометкой «Лучшие работы». А теперь она разбила тренировочный самолет и чудом осталась жива.

– Ничего страшного, – добродушно хохотнул мужчина в черном и подал седому адмиралу рюмку с темно-коричневой, чудесно пахнущей жидкостью. – Четыре ребра, перелом правого предплечья и легкое сотрясение мозга...

– Ваше величество прекрасно осведомлены, – нарочно ехидным голосом сказал Бибирев.

– Газеты надо читать. В светской хронике только об этом и пишут.

Внезапно с лица хозяина кабинета сползла улыбка, и он вроде бы бесстрастно и спокойно глянул в лицо посетителя своими темно-серыми глазами.

– Ну? В чем дело? Я уже забыл, когда ты появлялся в последний раз в моем кабинете самолично.

– Как вам известно, сир, – адмирал тотчас принял правила игры и заговорил серьезно, – я появляюсь здесь только в критических случаях. Боюсь, такой прецедент создан. Не скажу, что это проблема вселенского масштаба, но... Кто знает?

– А именно? – поднял бровь человек, которого титуловали высшим званием Империи. – Что случилось на этот раз? ООН подняла цены на нефть, которую добывает со временно конфискованных скважин «WY»?

– Интереснее, – чуть склонил голову набок Бибирев. – И вы, государь, проницательно отметили участие в этом деле американцев. А точнее – наших старых знакомых из «WY».

– Хватит, – сморщился император. – Переходи на нормальный язык, Николай. Церемониальные куртуазности оставь на потом.

– Ну хорошо, – пожал плечами адмирал. – А теперь слушай. Только позволь, я сначала присяду. Надеюсь, сидеть в присутствии августейшей особы да тем более, если таковая пребывает в состоянии неофициальном...

– Говори, – передернулся хозяин гостиной. – И садись, черт бы тебя побрал. Может быть, тебе еще и табурет принести? Располагайся непринужденно.

– У нас действительно неприятности, – седой, следуя приказу, непринужденно устроился на диване и закинул ногу на ногу. – Миша, прислушайся ко мне. На этот раз никаких шуток. Это тебе не цены на нефть или минералы. Речь идет о безопасности Империи. И возможно, о ее выживании.

– Не надо меня пугать театрально-страшными словами, – фыркнул собеседник адмирала, но сразу же осекся. Если руководитель службы государственной безопасности России говорит настолько серьезно, значит, дело нешуточное. Адмирал Бибирев никогда не стал бы искусственно нагнетать обстановку. Не в его это натуре – натуре профессионала высочайшего класса, завоевавшего своим умом и многолетним опытом должность своего рода «серого кардинала», стоящего за спиной императора.

– Так что случилось?

– Михаил, ты помнишь дело, почти год назад поднятое ООН по поводу незаконных действий американцев с некоей неизвестной формой жизни? Помнишь заголовки: «Иная форма жизни», «Плотоядные монстры» и прочие ужасы? Кажется, я тебе отправлял отчет некоего лейтенанта Казакова, участвовавшего в экспедиции к LV-426?

– Помню. Читалось интересно и было похоже на сказку. Если бы не приложенные видеозаписи...

– Это не сказка, – проговорил адмирал. – Это гораздо хуже.

* * *

– Хуже? – Монарх чуть изумленно поднял брови домиком. – Что может быть хуже этих зубастых тварей? Если я правильно помню, найденные американцами животные являются хищниками, паразитами и кем-то там еще... Извини, но я не очень хорошо разбираюсь в биологии.

– Я в этой науке вообще полный профан, – вздохнул Бибирев. – Зато у меня есть отдел по биологической безопасности, занимающийся как раз такими проблемами. Видишь ли, если бы угроза исходила только от данного вида чужой жизни, я бы тебя не беспокоил и мирно занимался своими делами.

– Мирно? – Михаил Александрович рассмеялся, показав крупные зубы. – Знаешь, понятие о твоей конторе менее всего ассоциируется с этим словом.

– «Новый джихад», – коротко бросил адмирал, мигом прервав добродушный хохоток патрона. – Теперь понял?

– Еще не хватало... – несколько растерянно проговорил хозяин после непродолжительной паузы. – Но позволь, каким образом могут быть связаны между собой неофидаи и прошлогодняя история «Патны»? Как я понимаю, у фидаев несколько другой профиль. Терроризм, похищения, убийства и в идеале – зеленое знамя Мухаммеда над всем миром. Кроме того, у секты нет ни единого борта, способного выйти в пределы космоса, даже ближнего... Мы, немцы и американцы несколько лет назад намертво перекрыли фидаям все возможные каналы.

– Перекрыли, – согласился престарелый адмирал. – Однако за последние недели было отмечено неясное шевеление в Тегеране и Аламуте... И террористы захватили японский корабль – помнишь? Подробности – чуть позже. Американцы на днях отправили в халифат своих эмиссаров, негласно, конечно. Посланцы высокопоставленные – люди из ЦРУ, и при них – агент службы Федеральной Безопасности из Вашингтонского управления. Сведения о возможной встрече янкесов с шейхом Эль-Джафром вскоре должны поступить, я тоже не сию без дела. После Азиатской войны мы оставили в халифате достаточно серьезную резидентуру... Интересно другое, Мишенька, америкашки отослали в Тегеран не простых сотрудников военной разведки, а специалистов из подразделения «Грифон».

– Весело, – нервно фыркнул император. – Тех, что занимаются безопасностью колоний США в Дальнем космосе? Причем конкретно биологической безопасностью? Но что им понадобилось от шейха?.. Нет, я понимаю, Эль-Джафр косвенно поддерживает «Новый джихад»... О Господи!

– Понял наконец? – Адмирал Бибирев дернул щекой. – Теперь, пожалуйста, перестань бегать по гостиной, в глазах рябит. Сядь, выпей армянского и послушай мои выкладки от начала до конца. Ничего страшного пока не случилось.

– Меня ждут к половине первого, – машинально напомнил Михаил. – Министр финансов, председатель государственного банка и какие-то филиппинцы с очередным сногшибательным проектом и стандартной просьбой о кредитах.

– Подождут, – поморщился адмирал. – В конце концов, они могут встретиться и с премьером. Не забудь, сегодня воскресенье. Сядь, расслабься и послушай интересную историю.

Его императорское величество Михаил IV и адмирал флота Николай Бибирев разговаривали до пяти вечера. Потом адмирал ушел. О чем шла беседа – осталось неизвестным.

Переговоры с филиппинскими предпринимателями пришлось вести срочно вызванному с дачи премьер-министру.

* * *

... Давным-давно, в начале XII века, в горах Персии возникла секта так называемых исмаилитов под водительством «Горного Старца» Хасана ас-Саббаха. В нынешние времена исмаилитов, или, как их еще называли, фидаев, можно было бы поименовать террористической организацией, где иерархия строится на беспрекословном подчинении вождю – шейху.

Хасан ас-Саббах создал свое учение, не слишком отличавшееся от законов шариата и Корана, но в то же время совершенно новое. Хасан придумал имама, которому «известны все замыслы божьи», а главный постулат исмаилитской ереси звучал так: «Познание бога разумом и размышлением невозможно. Познание возможно только личным поучением имама». Все человечество, не признающее имама, известного одному Хасану ас-Саббаху, погрязло в заблуждениях. Таким образом, мусульмане, не принадлежащие к исмаилитам, попадут в ад, христиане и иудеи – тоже. Каждый, не исповедующий учение Старца – нелюдь, а если кто-то смеет противостоять исмаилитам в открытую – то его смерть неизбежна.

Захватив крепость Аламут в горах северного Ирана, Хасан ас-Саббах распространил свое влияние вплоть до побережья Средиземного моря на западе и Багдадского халифата на востоке и стал властелином никем не признанного государства. Исмаилиты террором или обманом заняли множество крепостей вокруг Аламута, используя свою славу непримиримых врагов сельджукских завоевателей. Но когда часть Палестины находилась под рукой христиан, а знаменитый султан Саладин изрядно поприжал исмаилитскую вольницу, могущество секты пошло на убыль и фидаи все чаще нанимались к людям, не имеющим отношения к учению Старца. В том числе и к некоторым христианам, коим требовались услуги прекрасно обученных убийц.

В общем, дела это давние. Кто бы мог подумать, что идеология ас-Саббаха возродится в начале XXIII века, приняв еще более уродливые формы, вполне, однако, достойные техногенной и информационной цивилизации? Причин для того было несколько – экономический упадок арабских стран из-за резкого падения цен на нефть, которую в немалых количествах добывали в космосе, на Венере и спутниках Юпитера, превращение Исламского союза в огромное и нищее аграрное государство, обладавшее, впрочем, мощной армией и запасами ядерного оружия, а также постоянный проигрыш Тегерана в соперничестве с великими державами.

Заново воскресшие исмаилиты – неофидаи – благополучно победили на выборах под лозунгами «Долой диктатуру монополий запада и севера!» и «Азия – для истинных мусульман». А потом шейх ибн-Сабади, усевшийся в президентское кресло в Тегеране, направил энергию голодного и обозленного народа на военные приготовления. В Вашингтоне, Женеве и Петербурге забеспокоились, тем более что шейх, объявивший себя «новым аятоллой», решил повысить свою популярность очень жестоким террором по отношению к иноверцам – как к индуистам и курдам, так и правоверным мусульманам, не принявшим правителя-еретика. Разумеется, ибн-Сабади вытурил из страны представителей всех иностранных фирм, конфисковал принадлежащие обосновавшимся в Исламском союзе транснациональным корпорациям предприятия, а что хуже всего – объявил Священную войну против всех, не почитающих тайного имама, Коран и зеленое знамя Пророка.

В мире запахло средневековьем и крестовым походом наоборот.

Когда Саудовские эмираты, приверженные традиционному исламу, заявили о своем неприятии шейха и выходе из Союза, Сабади утопил в крови Дамаск и некоторые города побережья, пригрозил Израилю, что владычество евреев в Палестине отсчитывает последние свои дни, а 7 августа 2264 года внезапно напал на Индию, утверждая, что правительство Дели чинит гонения на исмаилитов в своей стране. Так оно, несомненно, и было – кому же нравятся открытые террористы и фанатики?

Снежный ком покатился под гору, все более и более увеличиваясь.

Газеты писали, будто новый аятолла ибн-Сабади являлся просто больным человеком и страдал параноидальным синдромом, но этот факт вовсе не оправдывает того, что по его при-

казу на Дели была сброшена атомная бомба, атакованы ракетами Иерусалим и Тель-Авив, спасенные от разрушения только глобальной системой противоракетной обороны, созданной несколько десятилетий назад Россией и Соединенными Штатами. А потом плохо вооруженная, но многочисленная армия шейха направилась в сторону Средней Азии, тем самым нарушив границы Российской Империи.

Разумеется, ибн-Сабади вскоре получил полновесную войну с Россией, Европой, Индией и не замедлившими влезть в конфликт Соединенными Штатами. Американцам было плевать на религию и психопата-шейха. Их интересовали только конфискованные исмаилитами заводы и дешевая рабочая сила, которую они потеряли после прихода нового аятоллы к власти.

Высокотехнологичная война подразумевает под собой краткие сроки ее проведения. На орбите Земли, над территорией Исламского союза, висели боевые корабли великих держав, способные накрыть земли противника куполом радиопомех, обрубить все системы связи и серией магнитных импульсов вывести из строя большую часть электронной техники исмаилитов. Что и было проделано. Но маньяк ибн-Сабади успел нанести тактическими низколетящими ракетами еще несколько чувствительных ядерных ударов по Индии, одна боеголовка прорвалась до израильской Хайфы, две серьезно задела Кипр, а в Персидском заливе был почти полностью уничтожен средиземноморский флот США.

Великие державы разозлились окончательно.

Президент Америки Стивен Гонт в сердцах предложил союзникам испепелить к чертям собачьим всю Центральную Азию от Багдада до Исламабада, но с ним, к счастью, не согласились. Решено было ограничиться уничтожением стартовых площадок ракет, штабов, наиболее сильных армейских группировок и, возможно, самого шейха ибн-Сабади, отсиживавшегося в тегеранском бункере.

По душу последнего и было отправлено русское подразделение внеземельного десанта под названием «Грифон». Быстро спланированная операция, вопреки прогнозам скептиков, перепуганных ядерным кулаком исмаилитов, прошла успешно: спецназ высадился, захватил дворец нового аятоллы, арестовал его приближенных, а сам ибн-Сабади был убит соратниками, почуявшими, что жареным запахло слишком уж сильно...

Десять лет территория Исламского союза была под управлением Организации Объединенных Наций. Затем, при содействии ООН, в стране снова провели выборы, к власти пришел популярный в народе шейх Эль-Джафр, лояльно относившийся к Западу и России. Индусы в качестве компенсации оттяпали себе территорию Пакистана, мир постепенно зализывал радиоактивные гнойники – слава богу, уже давно имелись средства для очистки земли от продуктов ядерного распада.

Фидаи так и не уgomонились.

Через несколько лет тайная, исключительно глубоко законспирированная организация последователей аятоллы ибн-Сабади, принявшая название «Новый джихад», начала действовать старыми методами. Покушения на руководителей других стран, диверсии на производствах, угоны пассажирских рейдеров, доставлявших с Земли колонистов на другие планеты Солнечной системы и Дальнего внеземелья...

Аллах акбар!

Правда, к Аллаху деятельность исмаилитов не имела никакого отношения. Но разве в этом будет разбираться кто-нибудь, кроме специалистов?

Безусловно, службы безопасности Империи, США и европейских государств пытались противостоять отлично организованным и обеспеченным великолепной техникой фидаям, но полностью разгромить «Новый джихад» было невозможно. И террористы уже десять лет держали в напряжении все правительства мира.

Если кто и был благодарен «джихадовцам» – так только писатели и киношники. Каждый второй литературный или кинобоевик был посвящен фидаям, а таковые ничуть не препятствовали индустрии развлечений. Как-никак, реклама в мировом масштабе...

...Похоже, именно об этой сектантско-террористической организации и беседовали январским утром 2280 года император России и начальник его тайной службы.

* * *

Мария Дмитриевна Ельцова оставила машину на автостоянке, бросила несколько монеток в парковочный счетчик – грабеж! Полчаса стоянки обходятся в аэропорту в целых тридцать копеек! – и, мягко хлопнув дверью автомобиля, зашагала к терминалу, принимавшему международные рейсы. Начинало рассветать, с севера задувал холодный ветер, несший колкие снежинки. Чуть дальше, в стороне Пулковских высот, мерцали бесчисленные огоньки новых районов Петербурга – мегаполиса, протянувшегося еще на полтора десятка километров за гряды холмов. Теперь авиационные трассы проходили прямо над городскими кварталами, опоясавшими огромное поле аэропорта.

Старые здания «Пулкова» снесли еще лет двести назад, и теперь их изображения можно увидеть только на фотографиях. Взамен были сооружены три новых терминала, два из которых обслуживали внутренние и международные рейсы. Третий комплекс, стоящий на отшибе, принимал орбитальные «челноки», прибывавшие с пересадочных станций на Луне и с огромного искусственного спутника «Кронштадт», вращавшегося на орбите Земли.

Сегодня был понедельник, а ранним утром первого рабочего дня недели активность в аэропорту снижается до минимума, благо отпускники, туристы и возвращающиеся из командировок люди должны были прилететь в выходной день, то есть вчера.

Маша зашла в здание международного терминала, совершенно не обратив внимания на веер почти незаметного луча сканера, ошупавшего новую посетительницу, дабы проверить – нет ли при ней оружия или пластиковой взрывчатки. Биоробот, стоявший в дверях, проводил человека вежливым полупоклоном.

Людей действительно мало. Две стайки иностранных туристов (немцев, если судить по черно-бело-красным флажкам на куртках), вероятно, должны отправиться ближайшим рейсом в Берлин. Отдельно от других расхаживают профессионально-насуспенные дяденьки в длинных темных плащах и с изящными чемоданчиками в руках – русские бизнесмены, отправляющиеся по своим делам на запад. Шуршат роботы-уборщики, более похожие на черепашек, собирающих пыль в свое округлое чрево. Автоматы по продаже напитков и бутербродов мерцают веселыми огоньками.

Благолепие...

Однако опытный глаз путешественника без труда различает неприметные фигуры полицейских в темно-синей форме, украшенной символикой МВД – сжимающим в лапах щит и меч двуглавым орлом в одной короне. Военный патруль, незаметно прохаживающийся мимо пассажиров. Будто напоказ установленные по всему залу миниатюрные видеорефлекторы наблюдения, бронестекла над кассами... Безопасность в аэропорту поставлена на высший уровень.

Объявили берлинский рейс, подданные кайзера Фридриха, громко крича что-то на немецком, табуном рванулись к стойке регистрации, а Маша, пропустив взглядом развешанные под потолком телевизоры с одинаковой и немного идиотической развлекательной программой, обратила внимание на большое табло с расписанием. Транзитный самолет компании «Эр-Франс» из Парижа и далее через Новосибирск в Токио должен приземлиться через десять минут.

– Успела, – буркнула Маша себе под нос. – Но все равно это свинство.

«Свинством» было то, что человек, которого она встречала, позвонил Маше за пятьдесят минут до приземления прямо из самолета. Он не просил встретиться, а только доложил, что приезжает и хотел бы увидеться. Естественно, Мария Дмитриевна, плюнув на оставленную домашнюю работу, сорвалась и, каким-то чудом не попав в аварию, успела добраться с Петроградской стороны, где была ее квартира, до аэропорта за полчаса.

Маша нашарила в кармане двухкопеечную монету, отправила кругляш в прорезь автомата и получила от робота-торговца свою баночку с квасом и металлически-неживое «большое спасибо». Затем поднялась по эскалатору на второй этаж и, подойдя к огромному окну, всмотрелась.

В предрассветных сумерках ярко вырисовывались оранжевые огоньки, ограничивавшие полосы, сияли голубым прожектора на вышках, а уже совсем недалеко горели в морозном воздухе посадочные огни парижского рейса, заходившего с запада в сторону Пулково.

Прижавшись лбом к стеклу, Маша наблюдала, как узкий и стреловидный, остроносый «Конкорд-2000» – гиперзвуковой самолет, преодолевающий расстояние от Парижа до Питера за один жалкий час, – коснулся бетонной полосы, на удивление изящно вырулил на основное поле, где его взял под свою опеку маленький транспортер аэродромных служб, а затем подкатился к причальному терминалу. Тогда же радостно зарычали движки стоящего рядом немецкого «мессершмитта» – белого, толстенького и напоминавшего упитанного баварского ребенка. Тевтоны, загрузившись пассажирами и багажом, поползли к освободившейся полосе. Черный орел кайзера, вырисованный на киле, смотрел на русскую выюгу насмешливо и любопытно.

– Ну, пошли встречать, – вздохнула Маша. – И чего ему вдруг приспичило прилететь?

Пограничные формальности были короткими. Пассажиры, высаживающиеся в Петербурге, немногочисленны, от силы человек десять – кто ездит путешествовать зимой? Таможня оказалась к ним благосклонна, документы не вызвали претензий чиновников. В отдалении снова взвыли двигательные установки французского самолета, торопящегося уйти дальше на восток, к берегам островов Страны восходящего солнца.

Маша стояла в зальчике сразу за таможней, дожидаясь внезапного гостя. Вышли две толстые француженки, судя по виду – туристки, с маленькими сумочками и одной-единственной невесомой тележкой, на которой громоздился коричневый чемоданчик, за ними появился серьезный господин исключительно делового вида, потом...

– Ау! Привет! Больше полугода не виделись?

– Как оно в Тулузе? – ответила Маша на приветствие несколько более сварливым голосом, чем ей хотелось. – И вообще, лейтенант, у нас тут мороз. Теплые вещи взяли?

Перед Машей стоял невысокий молодой человек, темноволосый и, судя по выражению карих, чуть узковатых глаз, очень хитрый. Черная военная форма, украшенная серебряными галунами и нашивкой на правом рукаве с изображением мифологического существа – лев с крыльями и головой орла. Из-за этой эмблемы «грифонов» иногда называли «мутантами», на что десантники ужасно обижались.

Мимо чинно продефилировал военный патруль, начальник – капитан внутренних войск – осмотрел черный с серебряными пуговицами китель лейтенанта, но докапываться не стал. Космический корпус Империи в армии уважали, а если уж видели шеврон группы «Грифон» – начинали завидовать.

– В Тулузе? – нахмурился военный с двумя маленькими звездочками на светлых погонах. – Там хорошо. Тепло. Яблоки, вино. Да, Маша, большое спасибо, что вы меня встретили... Сейчас мне не у кого остановиться в Питере, двоюродный брат уехал в командировку, квартира закрыта, а гостиница... В гробу видел.

– Дорого? – подняла бровь Маша. – Не смешите меня, Сергей. Мало того, что вы получаете зарплату, в четыре раза превышающую мою, так я думаю, что Министерство обороны могло оплатить вам постой. Может быть, даже в «Астории».

– Вы не в духе, – фыркнул лейтенант. – Ну и ладно. Ну и пойду в гостиницу. Буду там сидеть в гордом одиночестве и пить водку с собственным отражением в зеркале.

– Ну-ну. – Маша приняла слова военного за чистую монету. – Я пошутила. Едем ко мне. У вас серьезные дела? Надолго?

– Сколько вопросов... – хмыкнул мужчина в черной форме. – Расскажу по дороге. Мария Дмитриевна, вы на машине?

– Разумеется, – кивнула Маша. – Идем. Багаж забирать нужно?

– Какой багаж? Меня высвистали самым срочным образом из центра подготовки, запихнули в самолет с ясным приказом: сегодня к часу дня быть в приемной министра обороны. Странно как-то...

Маша поперхнулась:

– К часу дня? Сегодня, в понедельник? Ничего себе...

– То есть? – насторожился лейтенант.

– У меня приглашение туда же и в то же время, – ответила Ельцова. – Послание по электронной почте пришло вчера вечером. Я как последняя дура перерыла весь гардероб в поисках подходящего костюма. Все-таки неприлично являться к министру в спортивной куртке.

– Спишите на рассеянность ученого. – Военный снял фуражку, пригладил темный ежик на голове и критически осмотрел Машин утепленный сине-зеленый спортивный костюм для пробежек и белые кроссовки. – Вам не холодно на питерском морозе?

– А вам не надоело стоять здесь и болтать? – улыбнулась Маша. – Идемте к машине. Отвезу вас к себе, накормлю, а к часу дня отправимся по назначению.

– Ой, забыл, – неожиданно смутился лейтенант. – Вот, возьмите. Подарок из солнечной Франции.

Он залез в сумку, висящую на плече, пошуровал там ладонью и наконец вынул небольшую бутылку с вином светло-пурпурного цвета.

– Розовое анжуйское, – вздохнула Маша, бросив взгляд на этикетку. – Господи, сколько же оно стоит?

– Оно стоит нашей встречи. Едем?

* * *

В половине первого дня неподалеку от арки Главного штаба, почти на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы припарковалась темно-вишневая машина «Барс» – автомобиль высокой проходимости. В правительственном квартале Петербурга она выглядела несколько странно.

Двое людей, оставив «Барс» на попечение приглядывавшего за стоянкой биоробота-андроида, вышли на Невский, затем нырнули под арку и, пройдя по Дворцовой площади направо, вошли в пятый подъезд длиннющего желтовато-белого здания, в котором разместилось военное ведомство Империи.

– Лейтенант Сергей Казаков, – отрекомендовался охране военный, выкладывая на стойку пластиковое удостоверение. Блюстителю глянули понимающе.

– Мария Ельцова, профессор кафедры ксенобиологии Санкт-Петербургского университета. – Маша была несколько смущена подозрительными взглядами, но едва она выдала началь-

нику охраны свою личную карточку, багровое лицо здоровенного подполковника расплылось в любезной улыбке.

– Вам не в Генштаб, – сказал тот, переводя взгляд маленьких холодно-голубых глаз с лейтенанта ВКК на русоволосую женщину. – Сейчас вас проводят. Если имеете при себе оружие, опасные лекарственные препараты или любые электронные устройства – сдайте, пожалуйста. Получить сможете немедленно по окончании визита.

Затем Машу и лейтенанта Казакова повели какими-то бесконечными коридорами, более похожими на описанные в старинных романах подземные ходы в графских замках. Ельцова приблизительно почувствовала направление – под Дворцовой площадью, в сторону реки. Пришлось миновать четыре поста охраны, спуститься на лифте куда-то вниз, а затем снова подняться.

«Куда нас ведут? – попутно размышляла Ельцова, косо посматривая на своего спутника. Казаков выглядел спокойным и едва только не посвистывал. – Напустили, понимаешь, таинственности...»

Когда они, миновав длинный, ярко освещенный и выстланный серовато-жемчужной ковровой дорожкой коммуникационный туннель, оказались во внутреннем дворе Зимнего дворца, Маша сдавленно охнула.

– Сюда, пожалуйста, – нейтрально сказал провожатый, указывая на одну из дверей. – Приготовьте еще раз документы.

Когда Ельцова полезла в карман за карточкой, он тихо добавил:

– Думаю, не стоит напоминать, что не нужно ничему удивляться, или, по крайней мере, не следует показывать своих чувств.

Маша понимающе кивнула, а Казаков почему-то ухмыльнулся, но тут же снова напустил на лицо серьезность.

Глава вторая ПА-ДЕ-ДЕ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

21 января 2280 года,

Санкт-Петербург, Россия

Небольшая комната встретила гостей теплыми бежевыми тонами мебельной обивки, неярким, успокаивающим глаз освещением и запахом настоящего камина – в очаге потрескивали березовые дрова, пламя рвалось вверх, увводя почти невидимый дым в широкую трубу.

Маша, войдя сюда, почувствовала запах лимона – совсем свежего, пожалуй, еще не спелого – и неясный аромат крепкого, но очень качественного спиртного.

...Марию Ельцову и лейтенанта Казакова со всем должным уважением доставили на второй этаж дворца, в крыло, выходящее окнами на Неву и Петропавловскую крепость. То есть в покои, отведенные для проживания императорской семьи. Прочие части Зимнего оставались известнейшим музеем мира, а здесь, в двадцати комнатах второго и третьего этажей, находилась резиденция его величества.

– Пройдите сюда. – Гвардейский офицер бесшумно раскрыл дверь, чуточку церемониально поклонившись неожиданным гостям. – Вас ждут.

Казаков оставался бесстрастным и насквозь невозмутимым, будто такие встречи у него происходили каждый день. Он еще до приезда в столицу предполагал, что внезапный отзыв из Франции может означать все что угодно – от опалы (неизвестно, впрочем, за что) до резкого повышения (для которого, впрочем, тоже не имелось особых причин). Его реакцию можно было охарактеризовать словами: «Будь, что будет».

В отличие от офицера Военно-космического корпуса, Маша откровенно побаивалась. Кто, в конце концов, она такая? Специалист по инопланетным формам жизни, биолог, лишь однажды участвовавший в по-настоящему трудной экспедиции, консультант ООН, несколько лет назад получивший научное звание «доктор ксенологии» и ничего больше. Поступивший вчера вызов в Министерство обороны несколько изумил Машу, но кто знает – вдруг военные нарыли в одном из новых миров исключительно опасный вирус и хотят узнать мнение специалиста? Тогда следовало бы пригласить наиболее признанных ученых наподобие академика Когана или доктора Казанского университета Насырова...

Однако Маша сообразила, что столь срочный и малоожидаемый визит Сергея Казакова, с которым она побывала в неприятном и надолго запомнившемся путешествии в два отдаленных и насквозь чужих мира, а также просьба немедленно прибыть в министерство могут быть связаны между собою. Но каким образом? Кажется, тогда экипаж «Патны» замел большинство следов, а что не сумели сделать военные, закончила ООН – «Дело Иных» официально объявлено закрытым.

И вот теперь, по прошествии восьми месяцев с появления челнока «Меркурий» в системе Сириуса, долгих разбирательств в комиссиях ООН и следственном комитете Империи, забытая газетчиками и спецслужбами «госпожа консультант» опять вынуждена общаться с сильными мира сего. Кто знает, а вдруг повод для встречи не имеет никакого отношения к давним событиям на Ахероне? В исследованных мирах отыщется более чем достаточно других биологических опасностей...

– Добрый день. – Маша услышала хриплый тихий голос, принадлежавший, вероятнее всего, человеку в возрасте. – Проходите. Усаживайтесь, где удобнее. Лейтенант, не ешьте меня глазами – встреча неофициальная.

Казаков, неожиданно для Ельцовой вытянувшийся едва не в струну, слегка успокоился, быстрым движением сорвал фуражку с головы, но все-таки, несмотря на мягкое указание «расслабиться», щелкнул каблуками.

– Садитесь, – недовольно поморщился высокий седоволосый мужчина, скрывавшийся в мягком полумраке комнаты. Он разместился в глубоком кресле рядом с камином и держал в правой руке хрустально-синеватую рюмку. – Мария Дмитриевна, вам коньяк не предлагаю из-за его удивительной крепости, не предназначенной для дам, а вот вы, господин лейтенант, вполне можете отведать. Не беспокойтесь, Сергей, вы сейчас не на службе. Немного жидкого огня, потребленного внутрь, никогда не помешает.

Казаков повел себя вполне адекватно. Невозмутимо уселся напротив пожилого господина в статском платье, легко подхватил бутылку с коричнево-золотой жидкостью, плеснул в свой бокал и, не забыв про Машу, налил ей в высокий тонкостенный стаканчик апельсинового сока из оказавшегося на столе пластикового флакона.

Ельцова на негнущихся ногах прошла к столику, опустилась на сиденье и тихонько позавидовала Казакову. Судя по выражению лица, лейтенант выпивал вместе с особами, входящими в правительство Империи, каждый выходной, например после партии в преферанс или игры на бильярде. Или уже был знаком с его высокопревосходительством.

Маша узнала человека, встретившего их в уютной комнате Зимнего дворца. Его показывали по телевизору. Редко, правда, и только в связи с какими-нибудь экстраординарными событиями. Седоволосый шестидесятипятилетний старикан, сухощавый и меланхоличный, занимал почтенную должность начальника Управления Имперской Безопасности России. Если вдуматься, столь высокопоставленные персоны не имеют привычек вызывать к себе скромного ученого-биолога да самого обыкновенного лейтенанта для бесед о погодах...

– Отличная вещь, правда? – Престарелый улыбнулся, только лишь пригубив коньяк. – Вижу по лицу, вам, Сергей Владимирович, нравится.

Казаков кивнул несколько быстрее, чем требовалось.

– Оставьте неуместное смущение, – недовольно поморщился седой. – Полагаю, мне все-таки следует представиться даме. Бибирев, Николай Андреевич. Адмирал флота, если изволите. На прочие титулы и звания не обращайтесь. Побеседуем?

Он хитро и быстро глянул в глаза Казакову и Ельцовой. Увидев там понимание, продолжил:

– Вообще-то вы совершенно зря стесняетесь, право. Повторюсь – сегодняшняя встреча вас, Маша, – вы позволите к вам обращаться подобным фамильярным образом? – ни к чему не обязывает. Кроме одного – если вы откажетесь от разговора и моего предложения, будете молчать до самого гроба. Все, что вы здесь услышите, абсолютно конфиденциально. Если не скажете – засекречено настолько, что любые сведения, открытые кому бы то ни было, начиная от ближайших родственников и заканчивая сотрудниками чужестранных разведок, могут повлечь за собой неприятности самого фатального характера. Извините, что приходится выражаться подобно интригану-политику из дешевого боевика, но...

– Я понял, – абсолютно спокойно сказал Казаков, перебивая. Одновременно он посмотрел на Машу и прочел в ее глазах согласие.

– Замечательно. – Адмирал Бибирев как-то по-детски хлопнул в ладоши. И вдруг он хищно и быстро наклонился вперед и, уставившись на Казакова ледяным взглядом серо-голубых глаз, спросил очень жестким голосом: – Что вы скрыли? Я имею в виду, какие подробности вашего чудесного приключения на LV-426 неизвестны следователям ООН и даже мне?

Сергей Казаков от неожиданности стал выглядеть так, будто столкнулся лицом к лицу с очковой коброй, размерами превосходящей динозавра. Адмирал застал его врасплох, да и Маша напряглась. Она прекрасно понимала, на что намекает грозный и всемогущий предводитель Имперской Безопасности.

– Ну... – протянул лейтенант. – В общем...

– Врете, Сергей, – перебил Бибирев. – Сразу вижу, что врете. Послушайте, ооновцам вы могли вешать на уши любую лапшу. С различными приправами. В конце концов, вы принимали присягу, в отличие от госпожи Ельцовой (у Маши екнуло сердце), и обязаны...

– Я знаю свои обязанности, – неожиданно зло рыкнул Казаков. – Да, по общему уговору мы умолчали некоторые детали. Кроме того, на нас оказали серьезное давление люди генерального секретаря ООН. Насколько я понимаю, им были нужны рычаги, способные повлиять на «WY» и доказать виновность Компании в действиях, противоречащих кодексу Организации.

– И вы не стали посвящать посторонних в свои тайны, – вздохнул адмирал, снова коснувшись губами многогранной рюмки. – Нехорошо-с... Понимаю, что полная откровенность перед международным судом или генсеком ООН могла привести к определенным последствиям, иначе вердикт, гарантировавший вам, лейтенант, дальнейшую беспорочную службу и повышение в карьере, а заодно финансовую компенсацию госпоже Ельцовой, выглядел бы несколько по-иному. В этом я вас не виню. Но почему вы, – Бибирев молниеносно переводил взгляд с Казакова на Машу, похоже, спрашивая их обоих, и взгляд этот не сулил ничего хорошего, – почему вы предпочли говорить неправду, даже когда вернулись в Россию? Вы, господин лейтенант, и вы, госпожа Ельцова, откровенно лгали моим следователям, расспрашивавшим об инциденте с «Патной». Почему вы стерли большинство видеозаписей, когда находились без присмотра на Сириусе? Отчего был поврежден «черный ящик» челнока?

– Я расскажу, – не выдержала Ельцова. – Я понимаю, что вы, адмирал, имеете в виду. Да, по общему уговору выживших членов экипажа «Патны» мы должны были рассказать только половину правды.

– Обычно, – холодным тоном сообщил адмирал, – такие действия именуется чуть более неприглядно – заговор. Или даже государственная измена. Вы продолжайте, это я так, к слову.

– Я продолжу, – вмешался Казаков. – Честно признаться, ваше высокопревосходительство, мы очень боялись, что какое-либо из правительств Земли... не буду скрывать, включая правительство Его Величества, захочет использовать полученные нами сведения в... В неприглядных целях.

– Биологическое оружие? – любезно улыбнулся Бибирев.

– Да, – без лишних слов согласился Сергей. – Самое разрушительное и опасное за всю историю человечества. Способное погубить всех, включая своего владельца.

Адмирал стрельнул глазами на Машу.

– А вы что скажете?

– Я боялась именно того, о чем сказал лейтенант, – подтвердила она.

– Идиотизм, – как-то очень сокрушенно покачал головой Адмирал Флота. Затем Бибирев поднял взгляд к потолку с истинно страдальческим выражением на лице и проговорил: – Знание об опасности, замечу – чужой опасности, делает нас вооруженными и защищенными от малоприятных неожиданностей в будущем. И мы не собираемся использовать полученные сведения для, как вы только что выразились, «неприглядных целей». Незачем перестраховываться. Аналитики центра эпидемиологии достаточно долго сидели над вашими отчетами... Отмечу, не совсем правдивыми, но хорошо написанными. Специалисты отлично поняли, с какими существами вы имели дело на LV426. Я не решусь предложить императору разработку подобной биологической программы. Это чистое самоубийство.

– Покойный мистер Хиллиард, – как бы невзначай заметила Маша, – придерживался другой точки зрения. Он полагал, что справится с Иными. Или, по крайней мере, сумеет исследовать их универсальный организм.

– Хиллиард был гением, – покорно кивнул адмирал, – но слегка сумасшедшим, как и большинство ученых. Не в обиду вам, Мария Дмитриевна... Думаю, не нужно объяснять, как действует вирус, враждебный нашему виду – «человек разумный». Так вот, пообщавшись с чужими существами, вы наверняка могли понять, что такое многоклеточный и разумный вирус. Я, конечно, несколько преувеличиваю, но... Ваши выкладки и привезенная с LV-426 информация повергли в ужас не только биологов всех стран мира, но и политиков. Понимаете? Если кто-нибудь, например, столь же умный, но не столь знаменитый, как Рональд Хиллиард, найдет способ клонировать этих чудовищ, а что самое страшное – управлять ими... Мне договаривать?

– Не надо. Нет, – в один голос произнесли Маша и Казаков.

– Но... – Ельцова несколько по-детски, будто в школе, подняла руку. – Ваше высокопревосходительство, позвольте спросить?

– Слушаю, – участливо нахмурился адмирал.

– Мы, а вернее, я и лейтенант Казаков, уничтожили находившийся на LV-426 инопланетный корабль. Именно там находилось гнездо Иных. Их больше нет. Вы же сами знаете, Николай Андреевич, что мы использовали, пусть и без разрешения, ядерное оружие. Животные уничтожены. Насколько я слышала, звездная система объявлена запретной зоной для посещения земных кораблей...

– Дальше? – невозмутимо поднял бровь Бибирев.

– Дальше? – Маша чуть запнулась, но продолжила говорить связно: – На нашем челноке с LV426 были привезены три трупа Иных. Ни одна клетка, взятая из тел этих животных, на момент прибытия челнока к Сириусу не функционировала. Мертвая органика, понимаете? Соответственно клонировать клетки невозможно. Угроза полностью ликвидирована. Почему вы нас расспрашиваете?

– Да потому, – вдруг рассердился адмирал, – что все три экземпляра были переданы ООН для исследований. Организация старательно замалчивает результаты экспертиз и все данные по Иным. А я знаю, что один из трех трупов этих существ, мягко говоря, необычен. Во-вторых, почему ни на одной видеозаписи нет изображения зверя со светлой окраской? Только ради бога, не говорите мне, что это был единственный экземпляр или случайная мутация!

Маша несколько секунд помолчала, затем отхлебнула из бокала немного апельсинового сока и полезла в сумочку за сигаретой. Похоже, сейчас придется говорить правду. Настоящую правду, а не то ее подобие, которое было представлено следственной комиссии ООН. Однако вначале следует узнать истинные мотивы, побудившие адмирала Бибирева вызвать Марию Ельцову и лейтенанта Казакова в Зимний дворец.

– Да, – медленно и осторожно начала Маша. – Мы вынуждены были скрыть от ООН и от... скажем так, специальных организаций (Казаков чуть фыркнул, услышав столь дипломатичное название ведомства, возглавляемого адмиралом Бибиревым) некоторые подробности.

– И вы не ждали, что рано или поздно мы раскопаем упомянутые «подробности»? – вежливо осведомился пожилой адмирал. – Вспомните мудрость древних: «Все тайное рано или поздно становится явным».

Незнамо почему Мария Ельцова решила:

– Мы доложили ооновцам, а точно также и вам, только об одной разновидности животных. О темноокрашенных крупных хищниках, обнаруженных американцами.

– Вернемся к новой разновидности Иных. Оставим в стороне ваши частные переживания – я слышал, у вас произошел инцидент с чужим существом...

– Инцидент? – вмешался Казаков. – Господин адмирал, я сам лично видел, как Марию Дмитриевну атаковал паразит и что произошло дальше! Не беру в расчет мои личные ощущения, но думаю, что упоминать об этом случае несколько неэтично. Особенно в присутствии госпожи Ельцовой.

– Верно, – неожиданно быстро согласился адмирал Бибирев. – Простите, Мария Дмитриевна... Так вот, я хотел бы услышать от вас настоящую историю полета «Патны». Постарайтесь уложиться в сорок минут. Затем мы отправимся на встречу с людьми, которых ваш рассказ должен весьма заинтересовать.

– А если мы откажемся? – бесцеремонно спросила Маша. – Доказательств нет. Вы же сами сказали, что видеозаписи стерты, Организация Объединенных Наций молчит. Что до «белого Иного», то это игра природы, мутант-альбинос. Или вы будете нас легонечко пугать, как принято в серьезных конторах?

– Зачем же? – брезгливо ответил Бибирев и разочарованно покачал головой. – В таком случае вы отправитесь обратно. Сергей Владимирович полетит в Тулузу, в центр подготовки войск ООН. Вы заберете свою машину со стоянки и поедете домой. А у меня появится много лишней работы, которую с вашей возможной помощью я сумел бы сделать за несколько часов... Решайте. В любом случае вам не грозят никакие санкции, это я обещаю, слово офицера.

Маша подумала буквально секунду и, не ожидая такого от себя самой, буркнула:

– Мы согласны.

Адмирал преувеличенно облегченно вздохнул. Лейтенант Казаков остался невозмутим.

– Через сорок минут, – Бибирев глянул на часы, – нас будут ждать. Поторопимся.

Маша, непривычная к правительственному церемониалу, наивно поинтересовалась:

– А кто?

– Потом узнаете. Ну, Мария Дмитриевна, я слушаю. Да и вы, Сергей, не оставайтесь в стороне. Если будет нужно, дополняйте.

* * *

– Прелюбопытнейшая история. И вы семь месяцев хранили молчание? Герои-партизаны...

– Нас никто не спрашивал, – улыбнулся Казаков адмиралу, сидевшему, опершись локтями на колени. Пальцы его были сложены лодочкой у рта, а взгляд остановился на уставленной старинными фотографиями каминной полке. Выглядел Бибирев озадаченно. – Все были увлечены скандалом с корпорацией «WY», а следственной комиссии ООН очень хотелось посадить Компанию в большую грязную лужу. Женевские дознаватели, похоже, не обратили внимания на то, что часть видеозаписей была нами стерта. А пилоты челнока и летавший с нами биоробот-андроид так виртуозно поработали с «черными ящиками», что повреждения выглядели самым естественным образом. Перегрузки, аварийная ситуация на борту...

– Конспираторы доморощенные, – меланхолично протянул адмирал. – Ладно, не буду вас и дальше разыгрывать. Эта беседа, если позволите столь неэтично выразиться, являлась своеобразной проверкой на вшивость. Требовалось убедиться, будете вы и дальше врать или нет. Что же до вашего рассказа... Вообще-то нам давно все известно.

– Э... – крикнул лейтенант, а Маша вдруг покраснела. Если их секрет, как выясняется, вовсе не секрет, тогда какого, извините, рожна его шпионское превосходительство устроил спектакль с допросом?

... Уже будучи на Сириусе, к которому вынесло бежавший с «Патны» челнок, Мария Ельцова и остальные выжившие участники экспедиции действительно учинили маленький заговор. Пока руководство европейской колонии связывалось с властями на Земле, пока ждали спасательный корабль, было время обдумать дальнейшую политику и схему действий. По общему согласию решили не упоминать на грядущем следствии о животных с металлической окраской, а единственный труп данного существа, находившийся в лаборатории биологов, заявить не иначе, как случайным мутантом. В идеале его следовало бы уничтожить, но научный персонал встал на дыбы и предъявил принявшему на себя командование Казакову ультиматум: ученые поддержат общее решение при условии сохранения всех вывезенных с LV-426 образцов чужой жизни. Да и европейцы, встретившие потрепанный и поредевший на две трети экипаж «Патны», ради пущей подстраховки немедленно отправили трупы Иных, подстреленных во время операции, в карантин.

Входивший в экипаж андроид серии «Bishop» немедленно начал разводить философию на предмет странной мотивации людских поступков – как же так, впервые встретились с инопланетным разумом, научились немного контактировать, оказали друг другу помощь – и теперь срочно предать все глухому забвению?

Ельцова настойчиво объясняла андроиду, каковы могут быть последствия. Любое из правительств Земли в состоянии ухватиться за нить, ведущую к Иным, рано или поздно отыскать их... Что потом? А если серебристо-металлические разумные твари не захотят иметь с человечеством никаких общих дел? Или начнут военные действия, чтобы отвадить настырных двуногих? Безусловно, на стороне людей могучий Дальний Флот и огромные боевые станции, способные разнести на кванты планетоид размером с Луну, ядерное оружие и прочие прелести цивилизации. Но тут как раз встает вопрос не о мотивации человеческих действий, а о логике Иных. Вдруг человечество окажется для них потенциальным врагом? Последствия ясны, Бишоп? Вот и хорошо. А информационный носитель, обнаруженный на чужом корабле, мы вообще в глаза не видели. Спрячь его или уничтожь. И не надо пудрить мне мозги красивыми словами о контакте с внеземной цивилизацией и мирном сосуществовании.

Андроид забрал носитель информации себе, клятвенно пообещав ничего никому не говорить. Хотя в его синтетических глазах было заметно искреннее огорчение.

Бишоп остался в Женеве, затем переехал в Цюрих, куда его отправили для исследований тел чужих существ – ооновцы решили, что робот сумеет им помочь в изысканиях, и конфисковали андроида у проштрафившейся «WY». Люди, вернувшиеся с Ахерона, отбарабанили на следствии и суде заученную версию событий: прилетели, нашли хищных тварей, сами едва унесли ноги, и вообще во всем виноваты бизнесмены из Америки. Распните их!

Когда за дело берется столь основательная надгосударственная организация, как ООН, на пути специалистов из Женевы лучше не вставать – сметут. Генеральному секретарю, между прочим, уже давным-давно надоели жалобы большинства космических держав на беспредел на рынке межпланетных перевозок, чинящийся «WY», фактически превратившейся в монополиста.

Кроме множества мелких неприятностей, «WY», за спиной которой ликующе прыскали в кулак концерны Европы, России и Азии, огреблась запрещением на производство работ в Дальнем космосе сроком на семь лет, что называется, «с конфискацией» – все предприятия Компании на указанное время были переданы ООН, каковая теперь могла серьезно подправить свой бюджет с их доходов.

Газеты и голографические каналы целых три месяца верещали от восторга, смаковали невиданный в истории внеземельного бизнеса вердикт ООН, а затем, когда пришло сообщение об обнаружении на одной из планет системы Эпсилон Эридана развитой жизни – то есть теплокровных животных, превышающих размерами мышку, – с наслаждением переключились на новую сенсацию. Скандал с «WY» переключался на вторые полосы, а затем был позабыт. В

Голливуде сняли эффектный боевик про Иных – очень непохожих на настоящих, – и на том история путешествия «Патны» отошла в разряд малоинтересных.

Бывший экипаж крейсера разъехался по домам и на новые места службы: Ельцова отправилась в трехмесячный отпуск, который провела на Кавказе, Казаков благополучно работал в составе подкомитета по обороне ООН во Франции... И вот они снова встретились, но на сей раз не в космосе, а в столице Империи.

– ...Знали? – Маша помотала головой, освобождаясь от старых воспоминаний и первой нарушая длительную паузу, возникшую после неожиданного признания адмирала. – Каким образом?

– Мария Дмитриевна, – одними губами улыбнулся Бибирев. – Я же не спрашиваю, где вы купили вашу замечательную и, как погляжу, очень дорогую косметику?

– В Гостином Дворе, – несколько глуповато ответила Ельцова и тут же опять смутилась. – При чем здесь моя косметика?..

Казаков дипломатично помалкивал, едва сдерживая неуместный смех.

– Разумеется, ни при чем. – Его высокопревосходительство взял длинными узловатыми пальцами коричневую сигарету из коробочки на столе, предложил Маше и щелкнул громадной серебряной зажигалкой. – Видите ли, возможности моей скромной организации чаще преуменьшают, чем преувеличивают. Если называть вещи своими именами – имперская разведка может все или почти все. Когда сталкиваются интересы дилетантов, коими являетесь вы, и интересы Конторы, в одиннадцати случаях из десяти побеждает Контора. Нам просто было временно не до вас, и потому разговор состоялся сегодня, а не сразу по вашему прибытию из Швейцарии.

– Не до нас? – медленно повторил слова Бибирева лейтенант. – Могу я попросить объяснения, почему именно сейчас у Имперской Безопасности проявился внезапный интерес к событиям на LV-426 и нашим скромным персонам?

– Чуть попозже вы все узнаете, – ответил адмирал, мимоходом глянул на часы и поднялся. – Идемте, познакомлю с интересными людьми. Господин Казаков, вы военный, а посему должны иметь достаточно представления об этикете и субординации. Хотя встреча приватная, учитывайте, что ваша задача – молчать, слушать и отвечать на вопросы. Если захотите что-то спросить – сначала попросите разрешения... К вам, милейшая Мария Дмитриевна, это тоже относится. Извините, что так резко указываю... И, кстати, прошу учесть, что вы приглашены пока только в качестве консультантов и непосредственных свидетелей. Может быть, вскоре ваш официальный статус повысится.

Маша кивнула, а Казаков насупился. Тоже мне, воспитатель нашелся. И так понятно, что рядовой новобранец не имеет никакого права приставать с расспросами к унтер-офицеру, а уж тем более – к командиру роты. Но если адмирал напомнил об этикете, значит, встреча действительно будет особенной.

Они вышли в коридор, украшенный старинными шпалерами и какими-то вазочками на стойках, миновали два поста гвардейской охраны, каковая обращала внимание на шествующих по коврам дворца визитеров не больше, чем на пылинки в солнечных лучах.

– Сюда, пожалуйста. – Адмирал вежливо посторонился, пропуская даму вперед, шагнул в дверь вслед за Машей, оставляя Казакова в арьергарде.

Обычный зал для заседаний, каких множество во всех городах мира. Мебель старинная, но удобная, посередине длинный овальный стол черного дерева, на стенах картины с военноморским уклоном – если судить по знаменам на нарисованных кораблях, российский флот века восемнадцатого увлеченно громил шведов. Больше всего умиляли цветочки в китайских фарфоровых вазах вдоль стен и два компьютера на отдельном (видимо, секретарском) столике – современная техника выглядела среди архаичной обстановки неприкаянно. На дальней стене – большой голографический монитор, будто шутки ради забранный в деревянную раму.

Люди, сидевшие за столом, курили, один пил минеральную воду, другой что-то полупшепотом доказывал соседу. Но едва адмирал появился в дверях, все гости перевели взгляд на него и двоих новоприбывших.

– Госпожа Ельцова, господин Казаков, – отрекомендовал Бибирев спутников и чуть подтолкнул Машу, взглядом указывая на три свободных кресла у ближнего края стола. Сказал шепотом: – Не бойтесь, они вас не съедят. Располагайтесь и не обращайтесь ни на кого внимания.

Маша и лейтенант уселись рядом, адмирал устроился слева от них, и Ельцова начала исподтишка разглядывать присутствующих людей, которые явно ждали прибытия еще кого-то.

Прямо напротив сидел чуть полноватый, но крепкий и розовощекий мужчина лет пятидесяти в золотых эполетах и аксельбантах генерал-фельдмаршала. Это лицо было знакомо – министр обороны Слепцов. Рядом – крупная дама с недовольной физиономией откровенной стервы, вдобавок начинающей стареть. Нина Назарова, вице-канцлер по делам колоний. Говорят, может съесть человека без соли, но как администратор незаменима.

Еще дальше – двое мужчин средних лет, один в очках, другой в затрепанном свитере. «Как такого сюда пустили?» – подумала Маша. Вдобавок эти двое говорили громче всех, не обращая внимания на свирепые взгляды госпожи вице-канцлера. За ними с непроницаемыми лицами восседали двое иностранцев – русский всегда отличит человека из-за границы. Аура у них, что ли, другая? Господа были высоки, арийски беловолосы и вообще больше напоминали восковые фигуры. Еще один мужчина в военной форме, подполковник лейб-гвардии. Потом новое знакомое лицо – министр внутренних дел Зубровский.

– Ничего себе, – одними губами прошептал Казаков на ухо Ельцовой. – Чувствуете, как здесь пахнет властью?

– Угу, – согласилась Маша и, посмотрев на соседа слева, окончательно уяснила, насколько прав Казаков. Рядом безмятежно попивал ледяной нарзан государственный канцлер и камергер двора, лысоватый и скучающий князь Илья Головин. Маша заметила, что галстук у канцлера повязан неправильно.

Приоткрылась дальняя дверь, в нее нырнул какой-то гвардеец и неожиданно громко провозгласил, вытягиваясь во фронт:

– Его величество Император Всероссийский Михаил Четвертый!

Двоих шумных гостей – очкастого и его потрепанного собеседника – пришлось подтолкнуть, чтобы вовремя встали. Потрепанный среди общей тишины закончил фразу:

– ...Нет, в этом вопросе я с тобой совершенно не согласен. Биполярные молекулы... ой, здравствуйте.

– Добрый день, Александр Трофимович. – Их величество милостиво улыбнулись. – Так что там с биполярными молекулами?

– С ними-то все в порядке, – вытаращился низкорослый и щуплый дяденька в свитере. – Зато вот он ничего в этих вопросах не понимает! – и ткнул большим пальцем в соседа.

Император улыбнулся еще раз, вежливо кивнул всем и никому, поправил воротник рубашки и, быстро пройдя к своему креслу, бросил остальным:

– Присаживайтесь, господа.

Маша осторожно присела на самый краешек кресла. Вот тебе и приглашение в Министерство обороны... Ничего себе! В кабинете собрались все имеющие наиболее тяжелый вес представители имперского правительства, канцлер, вице-канцлер, какие-то заграничные господа с физиономиями статуй, изображающих Зигфрида с Хагеном. В довесок – парочка ученых с явственно прослеживающейся сумасшедшинкой в глазах, не известный никому лейтенант «Грифонов», а также еще более неизвестная консультантка ООН, она же доктор ксенобиологии.

Гвардейский подполковник, видимо, занимал должность личного адъютанта его величества и находился в курсе всех дел. Он представил гостей. Маша сделала для себя новые откры-

тия: светловолосые здоровенные буржуи оказались, естественно, немцами. Тот, что повыше и справа, был генерал-майором Отто Дитрихом из военной разведки Великогерманского Кайзеррейха, второй – офицером Люфтваффе Вальтером Ренном. Что они здесь делали – пока оставалось непонятным.

Господа ученые происходили из какого-то отдаленного института со специфическим названием «Калуга-9», что сразу же говорило: мы жутко секретные. Сии ученые мужи наверняка выросли под бронированным крылышком адмирала Бибирева. Видимо, штатные аналитики.

С остальными все вроде было понятно.

Казаков, в отличие от Маши, сообразил, что означает присутствие тевтонцев. Россия и Германский Кайзеррейх были давними и близкими союзниками. И ту и другую державу уже много десятилетий объединяло соперничество с заокеанским Западом и арабами, в результате чего две империи старательно дружили против США, обнаглевших в последнее время японцев и совершенно распутившихся террористов «Нового джихада». Генерал Дитрих, насколько знал лейтенант, был далеко не последней фигурой в правительстве императора Фридриха и вторым человеком после господина фон Эшенбурга, начальника тевтонского шпионского ведомства. Если уж Отто Дитрих явился в Петербург самолично, значит, дело серьезное и спецслужбы России и Германии снова будут работать в тесной связке.

Но лейтенант, убей бог, не мог понять, при чем здесь существа, обозначавшиеся нейтральным словом «Иные».

* * *

Судя по тому, что его величество сразу после общего знакомства посмотрел на адмирала, право выступать первым предоставлялось именно Бибиреву. Тот придвинул кресло ближе к столу, стиснул пальцы в замок, уперся в них подбородком и начал своим обычным, скучно-ватато-меланхоличным голосом:

– Ну те-с, господа, приступим к нашим танцам. Имею, как выразился классик, сообщить вам пренеприятное известие. Не отвлекаясь на лирические отступления, выражу самую суть – по всей видимости, правительство Соединенных Штатов в одной из крайне отдаленных от Земли лабораторий проводит опыты по клонированию существ крайне опасного инопланетного биологического вида. Все вы перед началом сегодняшней встречи получили от меня надлежащую информацию об этих животных и, полагаю, успели с ней ознакомиться.

– Биооружие? – коротко спросил министр обороны.

– Пока еще нет, – шевельнул бровью Бибирев. – Но вскорости – может быть. На данное время – только эксперименты.

Маша, позабыв о предупреждениях адмирала на предмет субординации, слегка побледнела и громко спросила, не дожидаясь разрешения говорить:

– Вы уверены? Но откуда они могли взять исходный экземпляр?

– Не торопитесь, – моргнул шеф государственной безопасности. – За всю историю освоения космоса, начиная от полета Гагарина триста двадцать лет назад, вплоть до вчерашнего дня мы не сталкивались лицом к лицу с непосредственными носителями чужого разума, то есть с существами, обладающими настоящим, схожим с нашим интеллектом.

– Знаете, – бесцеремонно влез очкастый аналитик. – Если судить по вашему отчету о событиях на LV-426 восемь месяцев назад, то последнее утверждение, мягко говоря, нелогично.

– Ничего подо... – начал было громко возмущаться его потертый сосед, но заткнулся, увидев властный жест адмирала.

– Вам, господа, еще будет предоставлено слово, – голосом, который почему-то вызвал у Маши ассоциации со скорпионом или не менее ядовитой тварью, пресек выступления ученых мужей Бибирев. Адмирал глянул на остальных и с полуулыбкой добавил: – Прошу прощения, тут имеет место неразрешимый конфликт мнений. Господин Гильгоф полагает Иных разумными, а господин Митрофанов – наоборот, видит в них только высокоорганизованных тараканов.

Оба аналитика надулись, но выступать дальше не стали.

– Итак, – продолжил адмирал, – никаких достоверно зафиксированных встреч с разумными существами, никаких радиоперехватов, никаких носителей информации, способных пролить свет на наших соседей по Галактике нет ни у нас, ни у соответствующих служб иных стран. И вот много лет лет назад экипаж примитивного грузового корабля, приземлившегося на необитаемой планете из-за аварийной ситуации на борту, натывается на отлично сохранившийся инопланетный вездолет, подбирает с него неизвестную форму жизни, а «WY», которой принадлежало торговое судно, скрывает от карантинных служб сам факт этого происшествия.

Следующие двадцать минут адмирал излагал знакомую Маше до малейших подробностей историю о попытках заокеанских коммерсантов раскрыть тайну внеземного биологического вида и катастрофических последствиях их безумной самоуверенности.

– ...Так вот, – его высокопревосходительство сделал паузу и бросил чуть извиняющийся взгляд на Машу, – несмотря на то что присутствующие здесь госпожа Ельцова и лейтенант Казаков сделали все, чтобы предотвратить дальнейшую опасность, а если говорить проще – в мелкую пыль разнесли планетоид LV-426 с помощью захваченных у американцев термоядерных зарядов, кое-что ускользнуло от их внимания. Один из эмбрионов Иных выжил.

– Что? – задыхнулась Маша. – Хиллиард мне клялся и божился, что зародыш погиб! Черт побери...

– Простите его, он солгал, – холодно ответил адмирал. – Мы проверили. Челнок, эвакуировавший бригаду хирургов, оперировавших вас, в Солнечной системе не появлялся, доктор Смит, проводивший вмешательство, вообще бесследно исчез. Видимо, эмбрион Иного сразу после извлечения был пересажен подопытному животному и затем благополучно развился во взрослое существо. Именно с этим экземпляром американцы сейчас и проводят эксперименты.

– Где они засели? – буркнул министр обороны, да и прежде спокойные германцы оживились.

– Могу назвать только приблизительный квадрат, в котором следует вести поиски. Система звезды Гамма Феникса из одноименного созвездия. Поблизости нет никаких колоний, но зато обширная планетная система – вокруг звезды вращается целая дюжина миров... Дайте картинку!

На плоском мониторе вспыхнуло схематичное изображение небесной сферы, усеянное тысячами ярких пятнышек. Сфера медленно вращалась, сдвигаясь в сторону южного полушария, и наконец к центру экрана подплыло выделенное оранжевыми линиями созвездие в виде пятиугольника, из вершины которого выходила тонкая стрелочка, подводящая к искомой звезде.

– Здесь, – проговорил адмирал. – Увеличьте, пожалуйста.

Он полез в нагрудный карман пиджака, вытащил лазерную указку, помогавшую владельцу тонким красноватым лучом выделять искомые точки, и внятными голосом читающего лекцию доцента-астронома продолжил:

– Вот, замечательно, укрупнили. Гамма Феникса, звезда класса G5. Двенадцать планет, исследованных в разные годы нами, американцами и французами. Четыре из них представляют коммерческий интерес – кислородная атмосфера, полезные ископаемые. Планеты вну-

шительные, сила тяготения в среднем в полтора раза превышает земную, но человек вполне может адаптироваться. Пока система не колонизирована – технологии терраформирования очень дороги, а массовая колонизация невозможна. Видимо, где-то там янки и спрятали свою лабораторию.

Вмешался император:

– Николай Андреевич, может быть, поступить проще, следуя примеру господина Казакова? – Лейтенант аж поперхнулся. – Послать крейсер или два, просканировать все окружающее пространство и угостить обнаруженную базу самую обыкновенной атомной бомбой? Насколько я понимаю, колония не зарегистрирована, осложнений с Вашингтоном не предвидится.

Его величество повернулся к министру обороны. Тот только руками развел.

– Это можно устроить прямо сейчас, – ответил генерал-фельдмаршал. – От патрулирования свободны четыре дальних рейдера с ядерным оружием. У каждого на борту несколько атмосферных бомбардировщиков. Уделают за милую душу. Две недели – и все кончено. Это если учитывать дорогу туда и обратно.

– Господа, господа, – забеспокоился Бибирев и похлопал ладонью по столешнице. – Самое простое решение не всегда самое верное.

– Отчего же? – подал голос доселе молчавший министр внутренних дел. – Если лаборатории и американского выселка действительно нет в регистрах... Теоретически в Вашингтоне могут догадаться, кто провел акцию, однако крупного скандала не последует. Только объясните мне, для чего вообще уничтожать помянутый исследовательский комплекс?

– Отвечаю на последний вопрос, – тихо сказал Бибирев. – Вы внимательно читали справку, подготовленную отделом биологической безопасности ГРУ? Раз читали, то представляете, насколько опасной может быть одна только мысль об использовании найденных на LV-426 животных в качестве биологического оружия. Госпожа Ельцова имела возможность пообщаться с ними вплотную, и, думаю, она не станет опровергать мои доводы.

Адмирал вопросительно посмотрел на Машу, давая знак, что теперь она может высказаться. Доктор ксенологии начала без обиняков:

– Бесспорно, Иные – уникальные животные. Это не просто новая форма жизни, а совершенно другой принцип построения жизни. Я имею в виду клетку на кремниво-металлической основе, фантастическую регенеративную способность, универсальный сорбент-окислитель, использующийся организмом в качестве крови...

– Именно, – закивал потертый консультант из «Калуги-9», но мордатая вице-канцлерша так на него шикнула, что развязный ученый вжался в кресло.

– Всем вышеперечисленным нельзя не восхищаться, – продолжила Маша. – Но есть непреодолимое препятствие: этот организм существует только за счет паразитизма. Английский профессор Блейк, бывший с нами на «Патне», пытался классифицировать данных животных, предложив формулировку: «Универсальный межвидовый паразит, жизнь которого основана на кремнии». По-моему, очень точно. Эти существа способны подселить эмбрион в любой дышащий кислородно-азотной смесью организм, превосходящий размером не крупную собаку. Полагаю, подойдет любой вид – от дельфина до обезьяны или, например, жирафа. Кроме того, взрослые животные невероятно умны, хитры, передвигаются с невероятной быстротой и неизвестно, каким набором органов чувств располагают...

– Поясните, пожалуйста, – буркнул адмирал.

– Во-первых, они наверняка обладают стандартным комплексом. Обоняние, осязание, слух и так далее... Несомненно, зрение. Глаз в нашем понимании у Иных нет, они предпочитают рассматривать предметы вблизи, с помощью некоего странного органа, похожего на дополнительную пару челюстей. Вдобавок они способны чувствовать теплокровный организм на расстоянии, причем довольно большом, передвигаться по любым плоскостям, включая

отвесные и вертикальные. Любят тепло, плотоядны, организуют семейные сообщества, возглавляемые крупной особью, условно именуемой «маткой». Как у пчел или муравьев.

– Мы читали обо всем этом в отчете адмирала Бибирева, – сварливо заметила мадам из ведомства по делам колонизации. – Я хотела бы узнать ваше мнение. – Вице-канцлерша близоруко взглянула на бумагу и, прочтя Машино имя, будто нехотя добавила: – Мария Дмитриевна. Насколько они опасны?

– Эти животные, – внятно сказала Ельцова, – представляют исключительную опасность. Одна особь за двенадцать часов способна истребить экипаж стандартного транспортного корабля даже при условии, что люди попытаются сопротивляться. Способный к размножению организм, попадая в человеческое поселение, начинает плодиться с невероятной быстротой. Если отыщется достаточно... э-э... носителей для эмбрионов, за которыми обычно охотятся самцы, за сутки матка четырехкратно воспроизведет численность семьи. Иной растет очень быстро – три-четыре часа на развитие эмбриона внутри пораженного организма, часа два – срок до первой линьки, и в финале – взрослая особь. Итого – шесть-семь часов. Прибавьте к этому коллективный разум группы, мгновенную самообучаемость, неплохую защищенность самого животного – панцирь можно разбить только с помощью огнестрельного оружия – и разъедающую внутреннюю жидкость, противостоять которой могут только определенные виды керамики. Для эффектного финала скажу, что взрослый самец охотится постоянно, выискивая пропитание и все новых носителей для эмбрионов. Пример: в городе с населением в миллион человек, боже упаси, оказывается материнский организм. Через несколько часов – не более четверти суток – Иных будет не менее десятка. Дальнейшие подсчеты крайне просты. Спустя семьдесят два часа людям придется иметь дело почти с двумястами рабочими особями, а далее... Геометрическая прогрессия. Интересующиеся могут подсчитать, за какое время паразиты сумеют уничтожить миллионный город. И как вы теперь думаете, опасны они или нет?

– Посылать рейдер? – кашлянул министр обороны и покосился на его величество. Император молча воззрился на адмирала.

– Вы еще не в курсе всех аспектов дела, – быстро сказал начальник имперской разведки. – Посему не будем принимать скоропалительных решений. Ломать – не строить. Думаю, все представили, с чем теоретически мы можем столкнуться. Иных-хищников, разумеется, придется уничтожать. И займемся этим мы. Но за последние дни произошло несколько событий, на первый взгляд, никак не связанных с обсуждаемой здесь проблемой. Первое: около месяца назад террористы «Нового джихада» угнали японский военно-исследовательский корабль, приземлившись в Гонконге для смены плутониевых стержней реакторов.

Изображение на мониторе сменилось – теперь показывали фотографию небольшого космического корабля с атмосферными стабилизаторами и названием «Киото», вырисованным латинскими буквами и иероглифами.

– Насколько мне известно, это судно из новостроев – лабиринтные двигатели, несколько спускаемых аппаратов. Джихадовцы, что для них совершенно нетипично, не потребовали за корабль никакого выкупа и не выдвинули политических требований. Их руководство взяло ответственность за теракт на себя, на том и заглохло. Наши службы слежения в Солнечной системе и центры транспортного контроля некоторое время держали «Киото» в поле зрения, но, прежде чем его сумели догнать патрульные корабли ООН, захваченное судно преодолело барьер Лабиринта и исчезло неизвестно куда.

– И что? – проворчал государственный канцлер, которого, похоже, одолевала вселенская скука. – Ваше высокопревосходительство, террористы захватили не наш борт, а японский. Следовательно, пусть спецслужбы Токио и разбираются.

– Дослушайте до конца, князь, – отмахнулся Бибирев. – Второй аспект проблемы. Через какое-то время в Тегеран прибыли американские эмиссары, да только не из Министерства иностранных дел, а из службы безопасности и стратегической разведки. Потребовали встречи с

шейхом Эль-Джафром, который несомненно имеет влияние на предводителей «Нового джихада», хотя и ограниченное. Представьте, разговор янкесов с шейхом был настолько приватным, что я получил о нем только отрывочные сведения, не представляющие никакого интереса по нашей сегодняшней теме. Любопытно другое: американцев после встречи за два часа пинком выставили из Тегерана – отвезли в аэропорт, засунули в самолет и помахали ручкой на прощание. Государственный канал телевидения Исламского союза что-то невнятно пробурчал о стойком неуважении США к суверенитету Халифата и исламу. Впрочем, это дежурное обвинение, ничего нового. Затем произошло сделующее: аллахакбаровцы отправили американских представителей не межконтинентальным рейсом, а специально заказанным чартером – через Дамаск в Анкару. И надо же случиться такому несчастью: над Турцией в районе хребта Мунзур и истоков Евфрата – территория до сих пор дикая и необжитая – самолет разбился. Следствие заявило, что это был результат поломки двигателя... Вранье, разумеется. После Азиатской войны шестьдесят четвертого года мы постоянно следим за Исламским союзом с орбиты, и компьютер одной из станций за сорок секунд до катастрофы отметил старт ракеты «земля-воздух».

– И дальше? – наконец-то заинтересовался канцлер.

– Дальше? – Адмирал выглядел торжествующе, правда, неизвестно, по какому поводу. – Подумайте сами – «Новый джихад» получил борт, имеющий возможность перемещаться в гиперпространстве, затем в столицу Халифата прямо-таки бегом прибывают специалисты из ЦРУ и Федеральной безопасности, причем не простые, а отвечающие за эпидемиологию и биологию, о чем-то весьма напряженно беседуют с шейхом, тот их выгоняет с тихим скандалом и, насколько я понимаю ситуацию, для верности приказывает убрать, ничуть не опасаясь конфликта с США... Будто держит козырь в рукаве. Кстати, японский корабль до сих пор не найден. Какие следуют выводы?

– «Новый джихад», вероятно, заинтересовался американскими разработками, – ответил на вопрос Бибирева министр Зубровский. – Может быть, их агенты раздобыли часть закрытой информации...

– А сами террористы, – эхом отозвался шеф разведки, – теоретически могут заполучить животное, если приложат надлежащие усилия и старание. Поэтому наша задача опередить всех и устранить саму причину угрозы. Воображаете, каким может быть дальнейшее развитие кризиса, если неофидаи получат в руки такое средство давления на великие державы? Тем более что уже имеется прецедент...

– Совершенно верно.

Маша услышала новый голос и повернулась. Заговорил немецкий генерал-майор, причем на чистейшем русском языке с едва заметным акцентом, который можно было бы спутать с прибалтийским.

– Я позволю себе дополнить слова герра адмирала. Восемь дней назад мы потеряли колонию, маленькую исследовательскую базу в системе звезды Ross 154. Там находилось четырнадцать человек, в основном ученые, искавшие полезные ископаемые. После потери связи мы выслали спасательный военный корабль Люфтваффе. Десант нашел полностью уничтоженный поселок... Людей, по нашему мнению, вначале перебили, причем самым жестоким образом, а тела вывезли. Масса крови и следов, уцелевших даже после пожара, – нападавшие сожгли комплекс. В окрестностях базы найдено несколько кислотных потеков и частиц явно биологического происхождения. На кремниевом-металлической основе. После всего, что я здесь узнал, могу предположить – кто-то применил упоминавшееся недавно биологическое оружие. В качестве эксперимента. Затем эвакуировал трупы и... самих исполнителей.

В зале поднялся шум, да такой, что сам император несколько раз тщетно призвал собеседников к тишине.

– Черт знает что такое! – Генерал-фельдмаршал Слепцов раскраснелся и стукнул кулаком по столу. – Америкашки окончательно сбрендили? Да я разнесу их исследовательский центр вдребезги и пополам!

– Рейхсканцлер тоже собирался принять незамедлительные военные меры, причем самого жесткого характера, – сказал генерал Дитрих. – Тем более что мы работаем совместно с Министерством обороны Российской Империи и имеем доступ к информации, получаемой его высокопревосходительством адмиралом Бибиревым. Германский Кайзеррейх не допустит повторения подобных инцидентов, будь они направлены против подданных императора Фридриха или его величества Михаила Четвертого. В силу союзнических обязательств Германия примет участие в любой акции, которую будет проводить правительство России.

– Пойдите, – громко произнес адмирал. – Господа, утихомирьтесь. Уважайте императора!

Бибирев поднялся, оперся пальцами о черную столешницу и внятно произнес:

– Мы совместно со специалистами из Берлина уже разработали операцию, о которой только что говорил господин Отто Дитрих. Полагаю, вам стоит выслушать предварительный план.

Архишпион Империи неожиданно взял за локоть Казакова и заставил его встать. Лейтенант выглядел обескураженно.

– Вот один из наших главных танцоров, – усмехнулся Бибирев. – Уверен, что исполнение акции следует поручить людям, опытным в подобном деле и сталкивавшимся ранее со столь необычной опасностью. А теперь позвольте, я пройду к экрану и покажу, что предлагают мои специалисты и генерал-майор Дитрих.

Глава третья ПРИВАТНЫЕ БЕСЕДЫ

21 января 2280 года,

Санкт-Петербург, Россия

Высокое собрание разошлось часа через три.

Разговаривали много и долго. Спорили, выслушивали мнения аналитиков, приставали с вопросами к Маше и Казакову. Наконец решение было принято, и оставалось только перейти к активным действиям. Император отпустил всех участников встречи и сам отправился в жилые покои.

Бибирев, продолжавший опекать своих гостей, отвел Ельцову и лейтенанта в личный кабинет; глубоко выдохнув, словно после тяжелой работы, опустился на сиденье кресла.

– Ф-фу... Знаете, если бы дело не касалось международной политики, я разрешил бы все проблемы самостоятельно. Несомненно, посоветовался бы с его величеством или начальниками определенных ведомств, но и только. Мария Дмитриевна, отчего вы так расстроены? Во-первых, еще не поздно отказаться. А во-вторых, может быть, стоит попросить секретаря принести нам кофе?

– Пожалуй, – отозвалась Маша. Было непонятно, какое из предложений Бибирева она имеет в виду.

Хозяин кабинета проворчал что-то в микрофон коммуникатора, спустя минуту появился неслышный лакей с подносом, оставил его на столе и столь же бесшумно исчез за дверью.

– Я ведь по лицу вижу, – мягко начал адмирал, взявшись за ручку вычурного серебряного кофейника, – вам не хочется никуда ехать. Это вот господину Казакову по молодости лет и романтической профессии такие авантюры интересны...

Лейтенант вежливо кашлянул в кулак. Бибирев был абсолютно прав: Сергей вполне добровольно выбрал род занятий и носил погоны не без удовольствия. Как-никак, подразделение «Грифон» – одна из самых элитных частей армии, где не бывает случайных людей. К тому же – ноблесс оближ, как выражаются в благополучной Франции. Операция грозит быть не столько опасной, сколько интересной, а в учебном центре ООН под Тулузой можно умереть от скуки.

Маша рассуждала совсем по-другому. В очередной раз сталкиваться нос к носу с прежней опасностью – стоит заметить, весьма зубастой и когтистой – категорически не хотелось. Однако вставала нешуточная проблема нравственного характера: если люди, целиком и полностью отвечающие за положение дел в Империи (включая даже самого государя), просят помочь... отказывать, ссылаясь на страх перед неизведанным, просто неудобно. И непатриотично. Надвигающаяся угроза достаточно серьезна, а Маша никоим образом не желала однажды увидеть Иного, висящего на водосточной трубе ее собственного дома. А если «Новый джихад» или любые другие террористы заполучат такое оружие, то соответствующий пейзаж станет объективной и фатальной реальностью.

– Конечно, не хочется, – тихо сказала она. – Но раз это необходимо... Только мне нужно будет взять из дома некоторые вещи, отдать ключ консьержке, предупредить ректора Университета, что не выйду на работу...

– Это решаемо, – понимающе кивнул Бибирев. – Можете заехать домой сразу после окончания нашей беседы. Конечно, мои сотрудники возьмут вас под ненавязчивую опеку, но так будет легче вам и спокойнее мне. С университетским начальством мы разберемся самостоятельно – оформим вам командировку в ту же самую «Калугу-9». Никто ничего не заподозрит.

– Замечательно, – согласилась Маша и вдруг вздохнула: – Вот дьявольщина! Тридцать лет – не самый подходящий возраст для подобных приключений. Лет бы на пять пораньше...

– Ничего подобного, – встрял Казаков. – Самый активный возраст для женщин – с двадцати до тридцати трех. Для мужчин – с двадцати двух.

– Прислушайтесь к мнению профессионала. – Адмирал протянул Маше малюсенькую чашку с настоящим арабским кофе и, внезапно сдвинув брови, заговорил серьезно: – Мария Дмитриевна, Сергей, вероятно, мы не увидимся до самого завершения операции, хотя в экстренном случае я обязательно свяжусь с вами. Хочу признаться откровенно: обычно подведомственная мне организация не привлекает к подобным делам посторонних людей. Ни для кого не секрет, что Управление Имперской Безопасности располагает соответствующими специалистами, учеными, подразделениями быстрого реагирования – уж простите, господин лейтенант, ничуть не уступающими по головорезной подготовке «грифонам». Но! – Адмирал поднял тонкий указательный палец к потолку. – Ситуация настолько необычна, что я вынужден включить в состав экипажа вас обоих. Как людей имеющих реальное представление о гипотетической опасности. У вас есть опыт, а таковой не заменишь никакими учебными программами или предварительным инструктажем. Вот ответьте, Сергей: существа, о которых мы сегодня говорили, могут поражать на расстоянии?

– Могут, – не задумываясь, ответил Казаков. – Сам видел. Они в состоянии выплюнуть из пасти едкую струю приблизительно на три-четыре метра, но редко используют эту способность.

– Почему? – Бибирев наклонил голову и подался вперед.

– Вероятно, боятся повредить тела потенциальных носителей эмбрионов, которые должны остаться живы вплоть до полного развития зародыша, – предположил лейтенант. – Иной может ударить хвостом, впрыснуть яд...

– Достаточно, – прервал адмирал. – Конечно, все это можно было бы объяснить и моим резвым волчатам из группы «Бородино», однако... Вы наблюдали Иных вблизи и даже общались с их разумной разновидностью, а «бородинцы» будут вынуждены довольствоваться учебными видеозаписями и выводами теоретиков.

– Поэтому вы и разрешили мне самому подобрать команду? – не то вопросительно, не то утверждающе сказал Казаков. – Список людей, которых я хотел бы видеть в составе экспедиции, я представлю к вечеру. Ничего, если туда войдут несколько иностранцев?

– Крайне нежелательно. – Бибирев, возражая, поднял руку ладонью вперед, но, секунду поразмыслив, спросил: – Кто конкретно?

– В качестве пилота атмосферного модуля я хотел бы видеть Николаса Фарелла из Великобритании, – пожал плечами лейтенант. – Летчик высокого класса, летал с нами на LV-426, в курсе всех дел...

– Но не в курсе наших замыслов, – проворчал адмирал. – Хорошо, подумаю.

– Бишоп, – решительно заявила Маша и поставила чашку на стол. – Полагаю, ваше высокопревосходительство, вам не составит труда вытащить его из Цюриха. Биоробот этой серии во многих случаях может оказаться незаменимым, да и опыта общения с Иными у него предостаточно.

– Будет вам андроид, – неожиданно быстро согласился Бибирев. – Я и сам полагаю, что этот живой компьютер очень пригодится в случае возникновения неординарных ситуаций. Ну что ж... Кофе допили? Отлично. Вас проводят, господа. Мария Дмитриевна, за вами ближе к вечеру, часов в десять, заедут офицеры Имперской Безопасности. Постарайтесь к этому времени подготовиться. И ради бога, не берите с собой много личных вещей, только самое

насущенное... Вас обеспечат всем необходимым. Господин Казаков, вы пока останетесь в здании Министерства обороны. Кстати, мы назвали этот проект немного по-разбойничьи – «Рюген». Помните, в раннем Средневековье было такое поселение приморских славян на Балтийском море? Замечательные были пираты, даже викингам по шее надавали!

...Маша, оставив автомобиль в подземном гараже, миновала пожилую консьержку и поднялась наверх. В квартире ее никто не встретил – Ельцова жила одна и не держала ни собаку, ни кошку. Как можно ухаживать за животным, когда несколько месяцев в году приходится улетать в дальние командировки!

Она все-таки собрала вещи в сумку, уселась перед выключенным телевизором и стала ждать. В десять должны были прибыть люди адмирала.

* * *

Маша достаточно четко представляла себе, во что впуталась. Безусловно, грядущий полет по степени опасности не шел ни в какое сравнение с прошлогодней экспедицией «Патны». Восемь месяцев назад экипаж погибшего крейсера действовал больше на свой страх и риск, не имея поддержки с Земли, а сейчас за спиной воздвигалась могучая Контора, действовавшая с согласия правительства. Да и подготовка к операции ведется куда лучше...

В изложении адмирала Бибирева и его коллег из Германии план выглядел следующим образом: рейдер с российско-германским экипажем, но без всяких опознавательных знаков должен появиться в районе Гаммы Феникса, отыскать укрытую на одной из планет лабораторию, попутно уничтожив ретрансляционный спутник дальней связи (если таковой обнаружится); затем на планету выбрасывается десант, захватывает американскую колонию, ликвидирует все живое – от Иных до людей, скачивает с центрального компьютера поселения всю информацию и снова исчезает в холодных далях космоса.

Если прибегать к юридическим терминам, планируемая операция вполне подпадала под уголовную статью, повествующую о пиратстве. Любой корабль, не оснащенный системой опознания «Свой – чужой» и с отсутствующими знаками государственной принадлежности расценивался как пиратский и подлежал немедленному задержанию, а в случае оказания сопротивления – уничтожению, благо прецеденты бывали. Сразу вспоминалась история пятилетней давности с бунтом экипажа американского военно-транспортного корабля «Мичиган». Капитан был убит, «вторым после Бога» стал первый помощник, который увел судно неизвестно куда. Официальные власти посчитали корабль погибшим. И надо же такому случиться – спустя три месяца «Мичиган» вынырнул неподалеку от звезды Барнарда и приземлился возле торговой базы европейцев, которую пираты начисто разграбили. После долгой охоты, проведенной американским военным флотом, выяснилось, что джентльмены удачи образца XXIII века обустроились на одной из самых отдаленных, но пригодных для проживания людей планет в созвездии Лебеда, создали там свою колонию, а продовольствием и необходимыми вещами обеспечивали себя с помощью вульгарных пиратских акций.

Вполне естественно, Машу слегка покорило ясное и недвусмысленное решение адмирала истребить не только Иных, возможно, клонируемых в лаборатории, но и людей. Самых обычных ученых и исследователей, которые по большому счету ни в чем не виноваты. Какая разница, чей приказ они исполняют – министерства обороны США или одного из отделов корпорации «WY»? Все-таки это люди... Но большая политика не предусматривала столь лирического подхода к безопасности Империи, поэтому Мария Ельцова предпочла не вмешиваться. Хотя сразу же возникли неприятные мысли, явно почерпнутые из литературных и киношных

боевиков: «Свидетелей всегда убирают, мертвые ничего разболтать не могут, простой человек, встрявший в дела Контора, долго не протянет...»

Однако, поразмыслив, Маша отбросила столь пессимистичные прогнозы. Да, безусловно, акция не слишком «чистая», но Имперская Безопасность и ГРУ Министерства обороны выглядят прямо-таки белыми ангелами по сравнению с американцами. А последние либо не ведают, что творят и с чем связались, либо действительно решили подергать демона за хвост и посмотреть, что из этого выйдет.

Ельцова подозревала, что теоретически существующая исследовательская программа янкесов по Иным не ограничится лабораторными изысканиями на отдаленном планетоиде. Рано или поздно подключатся институты в Солнечной системе, а возможно, и на Земле. Хотя бы одно животное сумеет перехитрить людей и выбраться на свободу... Что будет дальше? Если спохватятся вовремя – зараженную территорию придется выжигать дотла, а если нет... Допустим, сбежавший Иной успеет нырнуть в океан. Он сумеет адсорбировать кислород из воды, как, впрочем, и из любой другой среды, а если Иной начнет размножаться, то через некоторое время из океана ползут сотни хищников, готовых захватить сушу в качестве среды обитания. Затем – глобальная катастрофа. Человечество сможет выжить только благодаря тому, что около нескольких сотен тысяч сейчас находятся в колониях Дальнего космоса, на Афродите и Гермесе...

«Можно вообразить, – мрачно усмехнулась про себя Маша, – как остатки людей с Земли эвакуируются, например, на Афродиту, благо эта планета как нельзя более точно копирует наши природные условия. Только одного понять не могу, почему Иные – по крайней мере, черные хищники – размножаются, подобно вирусу, напрочь губящему организм-носитель? Неужели у них отсутствует система регулирования численности популяции? Адмирал был прав, сравнивая их с вирусами... Представим, что человечество – единый организм, где каждый из нас – отдельная клетка. Обычный вирус, существо изначально паразитическое, поражает клетку и заставляет ее воспроизводить себе подобных. Один к одному. Иные тоже могут использовать „клетки“ нашего сообщества для самовоспроизведения... Вот и думай».

Одним словом, Маша скрепя сердце одобрила идею адмирала Бибирева и участвовавшего в разработке программы Отто Дитриха. Лучше обойтись малыми жертвами, чем рисковать всем, что имеешь. Да и мысли об «устранении свидетелей и исполнителей» скорее глупые, чем обоснованные. Конечно, придется молчать в тряпочку до конца жизни, но следует вспомнить, сколько людей, участвовавших в еще более секретных операциях, благополучно дожили до старости в своих домах и в окружении любящих родственников.

Ельцовой и на этот раз отводилась скромная роль консультанта-биолога. Адмирал предоставил ей в помощь одного из своих аналитиков – доктора Вениамина Борисовича Гильгофа из таинственной «Калуги-9», того самого болтливового очкарика, что присутствовал на совещании и горячо отстаивал разумность Иных. Что ж, еще один специалист в области ксенологии отнюдь не помешает. Пусть даже с тараканами в голове.

Маша отлично понимала, что грядущая экспедиция напрочь незаконна, однако предполагала, что Контора Бибирева наверняка разработала несколько операций прикрытия на случай возникновения чрезвычайных ситуаций, начиная с внезапного появления американцев в районе проведения акции и заканчивая вмешательством один Бог знает кого, включая «Новый джихад», инопланетян и самого черта. Хотя, опять же теоретически, никаких осложнений не предвиделось – прилетели, Казаков со своими «грифонами» зачистил территорию от любых живых существ крупнее кишечной палочки, Маша и доктор Гильгоф забрали всю наработанную американцами документацию, погрузились на корабль и улетели. Но не будем забывать – гладко все только на бумаге, а в жизни...

– Жуткая авантюра. – Маша сказала эти слова вслух, чтобы развеять сгустившуюся в пустой квартире тишину, встала и, совсем было собравшись отправиться на кухню приготовить

что-нибудь поесть (неизвестно, когда будут кормить в следующий раз), обернулась на звуковой сигнал компьютера, доселе находившегося в режиме ожидания.

В верхнем правом углу темного монитора горела синим латинская буква «Е», окруженная вращающимся кольцом-орбитой. Модем принимал вызов от общемировой сети Интернет.

– Какого?.. – нахмурилась Ельцова. Небось снова дергают по ооновским делам, все-таки она еще остается штатным консультантом Комитета по биологической безопасности. Маша быстро подошла к компьютеру, коснулась клавиатуры, запуская программу виртуального диалога и...

«Добрый вечер, Мария Дмитриевна, – проступили на экране темные буквы. – Рад, что вы оказались дома».

Абонент предпочел сохранять анонимность – окно обратного адреса пустовало.

«С кем я говорю?» – набрала Маша.

«С другом, – мгновенно ответили с той стороны. – Может быть, такая формулировка покажется вам несколько вульгарной, но она является истинной».

«И что нужно этому другу?» – пальцы привычно стучали по клавишам.

«Не буду отвлекаться на частности. Что вам обещал господин Бибирев?»

Ельцова застыла с раскрытым ртом, не торопясь отвечать. «Друг» попался не в меру осведомленный. Буквы продолжали появляться.

«Предлагаю вам в три раза больше той суммы, которую вам заплатит адмирал. Вы серьезный специалист и достаточно много знаете по интересующей меня тематике. Понимаете, что я имею в виду?»

«Не бибиревская ли это Контора шутит? – заподозрила Маша. – А если нет, то кто? Американцы? ООН? Нет, последние бы представились. Организация обычно работает в открытую. Джихад? Бред, кто я такая, чтобы они мною заинтересовались? И это не стилистика аллахакбаровцев – насколько я знаю, они предпочитают начинать с угроз и не скрывают своей принадлежности. Может, перезвонить по сотовому в службу безопасности сети, пусть засекут, откуда сигнал?»

«Понимаю, – дипломатично отстучала Маша. – Похоже, вы очень хорошо информированы».

«Не пытайтесь отследить происхождение сигнала. Все равно ничего не получится, – ответил неизвестный, будто прочитав на расстоянии мысли Ельцовой. – Как вы совершенно верно заметили, я неплохо осведомлен о последних событиях. Кстати, можете рассказать о нашей беседе сотрудникам уважаемого господина Бибирева. Им будет интересно. Итак, после окончания некоей миссии я хотел бы получить от вас определенные сведения. Не о ходе проведения самой миссии, разумеется, я в высокую политику не лезу».

«Тогда что вас интересует?»

«Инопланетные существа. Не волнуйтесь, мне не требуется живой экземпляр. Я предпочел бы заглянуть в данные американских исследований. Могу подтвердить предположение милейшего адмирала – США действительно проводит эксперименты с этими существами».

«Вот к американцам и обращайтесь! – начиная злиться, ответила Маша. – Или свяжитесь с ООН, они до сих пор исследуют тела Иных».

«Знаю. У них нет ничего занимательного. Мне нужны данные о структуре и функциях именно живой клетки Иного, а не мертвой, с которой имеют дело специалисты в Женеве и Цюрихе. Кстати, поздравьте – я сумел расшифровать часть записей с носителя, оставшейся у вашего приятеля-андроида. Не беспокойтесь, Бишоп ничего не знает. Просто мои агенты в эпидемиологическом центре ООН на короткое время позаимствовали диск, а потом вернули обратно».

«Кто вы такой?» – Маша уже представляла, какой неприятный разговор у нее состоится с Бибиревым или его помощниками. Незвестный абонент (если, конечно, не шутил) знал чересчур много.

«Пока это не имеет значения, – всплыла на мониторе новая строка. – Согласны? Моя цена, раз уж вы не хотите назначать свою – двадцать пять миллионов долларов. Или, если угодно, пятнадцать миллионов золотых рублей по действующему курсу. На номерном счету в банке Швейцарии или Голландии. Не думайте, что это много, скорее цифра занижена. Ваше решение?»

Маша задумалась. Разумеется, деньги неизвестно от кого она ни в коем случае не возьмет, тем более что рано или поздно адмирал Бибирев узнает об этом. Тогда – звездац, если называть вещи своими именами. Но в мире есть ценности, значительно превосходящие золотой российский рубль, равный ему фунт стерлингов или более дешевую бумажку с портретом американского президента. А вдруг получится выторговать?

«Нет».

«Бойтесь, что Имперская Безопасность России следит за вашей линией Интернета? Не беспокойтесь, к нашему он-лайну пока никто не подключился. Если такое вдруг произойдет, я немедленно разорву связь, благо моя система слежения за посторонним вмешательством если не совершенна, то, по крайней мере, надежна. Я повторяю вопрос – согласны?»

«Мне нужны не деньги, – ответила Маша, – а кое-какая информация. Обещаю, что до определенного времени не стану ее разглашать».

«Совсем другой разговор, – мгновенно переслал строку неизвестный. – Спрашивайте. Вопросы можете формулировать без лишней дипломатичности, бейте в лоб. Только, пожалуйста, не допытывайтесь, кто я такой».

Мария Ельцова сидела за компьютером еще три четверти часа, принимая сообщения по открытой линии и быстро отвечая на них. Она понимала, что если ее разговор со странным абонентом до сих пор не прервали, значит, и на самом деле ведомство его высокопревосходительства адмирала Бибирева абсолютно не в курсе, что госпожа консультант без их ведома покупает весьма таинственную информацию в обмен на обещание разгласить другую, не менее секретную.

«Думаю, теперь вы осведомлены, а значит, вооружены?» Маша так и представила сидящего где-нибудь на другом конце планеты, а то и вовсе на Луне или Венере какого-нибудь пожилого горбоносого интригана. Необычная беседа подходила к концу. «Повторюсь: мне неинтересно, что вы будете делать в планетной системе, куда направляетесь. Я, как вы понимаете, не побегу к местному резиденту американского разведывательного управления доносить, что русские замышляют нечто экстраординарное. То, о чем я хочу узнать, не имеет отношения к военной, технической или другим сферам действия цивилизации. Моя цель – наука ради науки и знания ради знаний. Как только вы вернетесь, я обязательно найду вас».

«Прощайте», – отрезала Маша. Она была одновременно и рада, и зла.

«Надеюсь, вы останетесь живы, – закончил „мистер Всезнайка“. – Большой привет адмиралу Бибиреву. Доброй охоты, Маугли».

– Дожили, – рывкнула Маша, когда связь оборвалась, а на экране всплыл значок, оповещающий владельца компьютера, что задействован введенный в программу модуль, стирающий запись разговора. – Ценитель Киплинга, понимаешь! Мудрый удав Каа! Акела промахнулся!

Она осеклась. Загадочный компьютерный визитер предоставил Ельцовой потрясающий набор сведений, касавшихся разработок «WY» и связанных с ними правительственных проектов, за которыми лично надзирал нынешний президент США Рассел Фарaday. Сюда же добавлялись некоторые сведения о террористах «Нового джихада» и фрагмент записи с диска, полученного Бишопом на инопланетном корабле во время экспедиции «Патны». Правда, эта запись

еще не была дешифрована, но «Мудрый удав Каа» уверял, что она крайне важна, а ключа к шифру он пока подобрать не смог.

Маша еще некоторое время ошеломленно посидела перед погасшим монитором домашнего компьютера, пока ее не заставил вздрогнуть звонок в дверь. Она подошла, глянула на экран домофона и безбоязненно открыла.

– Мария Дмитриевна?

Двое молодых широкоплечих парней в самой обычной гражданской одежде. И не подумаешь, что ребята с такими простецкими рожами трудятся на благо ведомства адмирала (не такого и всемогущего, как выяснилось после разговора с неизвестным информатором).

– Да, я. – Маша заставила себя улыбнуться. – Отправляемся, что ли?

Выглядевший более серьезным высокий и квадратнолицый офицер кивнул. В его ладони посверкивала голографическими цветами личная карточка сотрудника Имперской Безопасности.

* * *

Темно-синяя «Волга-Премьер» с бесшумным газовым двигателем и пятизначным правительственным номером вырулила с Каменноостровского проспекта, где помещалась квартира Ельцовой, направо, к набережной, миновала мост Свободы и многогранный стеклянный саркофаг, которым укрыли «Аврору» лет сто пятьдесят назад, ибо под воздействием внешней среды «крейсер революции» начинал разрушаться, проехала мимо Михайловской Академии и направилась дальше, оставив позади Финляндский вокзал, с которого уходили скоростные поезда на север, к скандинавским столицам. Единственный сохранившийся в Петербурге памятник Владимиру Ленину и его любимому броневнику выглядел уныло на фоне январского снега, запорошившего газоны площади, и мерцающих объемных рекламных щитов, протянутых вдоль берегов Невы.

Мрачноватые Машины опекуны не дали никаких пояснений, однако она и без их подсказок догадалась, что «Волга» движется по направлению ко второму из четырех городских аэропортов – Ржевке. Сейчас автомобиль минует Арсенальную набережную и уйдет налево по проспекту Петра Великого. Ельцова не хуже прочих горожан знала, что Ржевка обслуживает только внутренние рейсы да заодно чартеры правительства, наподобие Внуково в Москве. Следовательно, вылет на орбиту состоится не из Питера. Иначе везли бы в Пулково или, например, на базу стратегической авиации под Ропшей.

По всему было видно – адмирал если берется за дело, то исполняет его качественно. Автомобиль, присланный за Машей, был роскошен, охрана бдительна – третий офицер сидел за рулем, а двое других – справа и слева от Ельцовой на заднем сиденье. Над передним стеклом зеленовато мерцал узкий экранчик компьютера – Маша таких еще не видела и могла только догадываться о его предназначении. Наверно, какая-то система безопасности специально для средств передвижений высоких особ.

Ельцова попыталась завязать разговор, спросив:

– Простите, до отлета я смогу увидиться или переговорить с господином Бибиревым? Хотелось бы сообщить кое-что срочное... – Как-никак Маша должна была рассказать адмиралу о факте разговора через Интернет с не пожелавшим представиться, однако на редкость хорошо осведомленным господином. Некоторые детали беседы, конечно, придется скрыть, но, как и условились с неизвестным, до времени.

– Свяжетесь с его превосходительством из самолета, – ответил верзила, сидевший по правую руку. – Это несложно.

– Спасибо, – хмыкнула Маша. – Скажите, если не секрет, что это за штука висит над лобовым стеклом? Бортовой компьютер автомобиля? Какая-то новая модель?

– Именно, – подтвердил тот же офицер. – Полезная вещь, своего рода дополнительный телохранитель. Вы же едете на машине одного из заместителей адмирала... О, черт! Сглазили!

– Что сглазила? – не поняла Маша. «Волга» мгновенно вильнула куда-то в сторону, пере-страиваясь из среднего ряда в левый, резко увеличила скорость, а скрытый динамик истошно заверещал. На плоском экранчике часто-часто заморгали латинские красные буквы: «ATTACK DETECTION!»

Дальше началось нечто неопишное. Маша свалилась на пол (она так и не вспомнила, самостоятельно или с посторонней помощью), сверху ее прикрыл один из телохранителей, откуда-то снаружи раздалось пронзительное шипение, потом глухой удар, визг тормозных колодок и звон разбившегося стекла. Как выяснилось потом, это было вовсе не устоявшее в неожиданной передрыге трехслойное бронированное стекло «Волги», а витрина одного из роскошных магазинов на набережной.

Со стороны все выглядело следующим образом.

«Волга-Премьер» цвета ночного моря, нарушив все правила движения по скоростным трассам внутри города, вначале резко забрала влево, затем внимательный человек мог бы усмотреть, как из отверстия, открывшегося на заднем бампере, вперед и в сторону разлетелся веер ярких, до рези в глазах, огней, поднявшихся над дорогой, затем неясная серая тень, быстро двигавшаяся в воздухе со стороны Невы, задела один из горячих огоньков... Бухнул оглушительный взрыв, разворотивший покрытие набережной.

Две посторонние машины, как перышки, слетели в Неву, отброшенные ударной волной, третья, так некстати оказавшаяся в плохом месте и в плохое время, просто перестала существовать – ракета взорвалась прямо над ней. Правительственная «Волга», ничуть не пострадав, проскочила вперед, вылетела на встречную полосу и браво таранила магазин модной одежды «Елизавета». Естественно, заорала сигнализация.

– Твою мать!.. – емко высказался самый молодой из бодигардов. – Все живы?

– Вы меня сейчас задавите, – проворчала Маша. – Разрешите мне сесть?

– Лежите смирно! Когда явится дорожная полиция и наши, тогда... – Он поискал глазами, куда бы сплунуть, но только рявкнул в воротник куртки: – Это сто второй! У нас альфа-три!

Несколько раз повторил. Ельцовой подобный птичий язык был знаком по детективным романам – каждое происшествие обозначается своим кодом, чтобы не говорить лишних слов. Лежать на полу под сиденьем было неудобно, и научный консультант будущей секретной экспедиции недовольно заворочалась.

– Хотя бы скажите, – раздраженно буркнула Маша, – что это было?

Бодигард еще раз выматерился, но все-таки ответил:

– Похоже на ракету с вакуумным зарядом. Если бы не наша тепловая система отведения удара, сейчас сидели бы на облачке и получали у апостола Петра под расписку арфу. Вы на арфе играть умеете? Нет? И я не умею.

Следуя инструкции, из автомобиля не выходили, а уехать было никак нельзя – «Волга» прочно застряла в ажурных металлических стойках рамы, поддерживавшей витринное стекло. Дорожная полиция и вертолеты спасательной службы явились, впрочем, мгновенно. Посреди набережной грустно догорал какой-то фургончик, тоже поврежденный взрывом.

Потом все закрутилось в быстром и отлаженном ритме. Место инцидента оцепили, движение перекрыли, в морозном воздухе поблескивали синие и красные маячки полицейских машин, осколки разбитых воздушной волной стекол выглядели рассыпанными бриллиантами, шуршали двигатели вертолетов...

Машу и ее спутников извлекли из «Волги-Премьера» еще более неразговорчивые и выглядевшие злыми молодые люди и, не слушая вопросов Ельцовой, довольно бесцеремонно затолкали в один из вертолетов. Буквально через минуту аппарат со значками МВД был уже в воздухе. Водитель остался внизу, видимо, разбираться с коллегами и объяснять им, что произошло.

Маша, как ни прислушивалась к себе, так и не смогла понять – как именно следует относиться ко всем событиям минувшего насыщенного дня. Странно, но она даже не испугалась происшествия на набережной. То ли не поняла, в чем дело, то ли у нее просто не хватило времени бояться по-настоящему. Ну да, взорвалась бомба... Система безопасности автомобиля сработала, как ей и было положено. Господа телохранители честно защищали вверенный им «объект перевозки» в виде некой М. В. Ельцовой, потом прилетели явно подстраховывавшие полицейские...

Все вышло идеально, будто в кино. И только одно беспокоило. «Вот любопытно, – думала Ельцова, невидящими глазами глядя в обзорное стекло. Далеко внизу проплывал залитый золотистыми и голубыми огнями ночной город. – Если бы я ехала в аэропорт на своей машине? Без всякой охраны? Почему адмирал прислал за мной профессиональных бодигардов и отлично защищенную „Волгу“ своего зама? Вариантов два: либо Бибирев знает то, чего не знаю я, и опасается вмешательства некоей посторонней силы, или же мне спасла жизнь инструкция... Наверняка в каком-нибудь из гэбэшных параграфов сказано, что будущего участника секретной операции нужно охранять со всем прилежанием. Господи Иисусе, меня ведь на самом деле хотели убить! Но кто? И самое главное – за что? Может быть, неизвестный абонент внезапно решил, что слишком много разболтал? Ерунда! Или нет?»

Маша вдруг начала паниковать. В конце концов, и вертолет можно достать ракетой. Или в двигателе что-нибудь сломается... Что за умельцы прямо в центре тщательно оберегаемой столицы Империи постреливают по правительственным машинам вакуумными боезарядами? Такую вещь не купишь запросто в магазине оружия. Вот и дополнительный вопрос к адмиралу.

Она не успела перепугаться как следует и начать себя «накручивать» только потому, что вертолет благополучно и очень мягко приземлился прямо на летном поле Ржевки, у левого крыла большого темно-зеленого военно-транспортного самолета с армейскими опознавательными знаками – три кольца российских национальных цветов: белый кружок внутри, его опоясывают синий и красный обвод. Рядом красовался черный гербовый щит с белым силуэтом насторожившейся собаки. Понятно, «грифоны».

Два оставшихся телохранителя помогли Ельцовой выбраться из маленького и неудобного винтокрылого летательного аппарата, участливо проводили до узкого трапа, ведущего в чрево армейского транспорта, сунули под нос двум охранникам в черно-сером камуфляже свои карточки службы безопасности (военные молча кивнули и посторонились).

Маша прошла через грузовой кунг самолета, меньше чем на четверть загруженный какими-то пластиковыми ящиками, нажала кнопку, открывающую дверь в пассажирский отсек, и лицом к лицу столкнулась с Казаковым. Он уже сменил свою парадную форму на черный комбинезон «грифонов» и берет такого же цвета, лихо заломленный на правое ухо. С кокарды хитро поглядывала серебристая собачья голова.

– Вы еще живы, господин де Жюссак? – чуть ехидно спросил лейтенант, цитируя «Трех мушкетеров». – Ладно, Мария Дмитриевна, не обращайтесь внимания на плоский милитаристский юмор. Мне уже сообщили о вашем дорожном приключении.

– Издеваетесь, Сергей? – Маша выдавила улыбку. – Между прочим, это было жутко неприятно. Меня засунули под сиденье и сели сверху.

Стоящий за спиной сотрудник Имперской безопасности фыркнул.

– Примите в целости и сохранности, – сказал он и тронул Машу за плечо. – Теперь вы под охраной армии. А нам, уж простите, пора.

– Спасибо. – Госпожа консультант неловко кивнула.

Казаков ухватил ее за рукав и решительно потащил дальше по салону. Туда, где перед терминалом связи сидели трое вояк, габаритами больше смахивавших на медведей.

– Адмирал ждет на открытой линии визуального контакта уже несколько минут, – пояснил лейтенант, жестом выгоняя с кресла одного из сержантов. Кивнув на связистов, добавил: – При них можете говорить непринужденно.

Маша уселась, почувствовав, как сиденье мягко спружинило, ткнула пальцем в клавишу ввода и заметила, как загорелся красный индикатор на видеокамере над кристаллическим монитором. Тотчас появилось узкое и безмятежное лицо Бибирева.

– Я очень сожалею об этом прискорбном инциденте, – без предисловий начал адмирал. – Знаете ли, в наш век пара и электричества всякое случается...

– Можете прислать официальные извинения, – хрипло сказала Маша. – Только мне от этого не легче.

– Чем вы, собственно, недовольны? – состроил обиженную мину Бибирев. – Прокатились с комфортом на машине замминистра, поучаствовали в сцене из кинобоевика, не получили ни царапины... Ладно, теперь серьезно.

Благородная физиономия его высокопревосходительства и впрямь приняла озабоченное выражение. Ельцова же не торопилась задавать вопросы. Он сам все расскажет, а если что утаит... Ну ведь не устраивать допрос с пристрастием человеку, третьему в иерархии страны по значимости после императора и государственного канцлера?

За обшивкой самолета загудели двигатели, громадная транспортная машина сдвинулась с места и наверняка начала рулежку к полосе. Маша по ввевшейся привычке щелкнула замком ремня безопасности.

– Мария Дмитриевна, скажу откровенно, – меланхолично продолжал Бибирев, – жизнь вам спасло чудо. Я уже получил кое-какую информацию с места происшествия. По вам стреляли с левого берега Невы, видимо, с крыши одного из зданий делового центра.

Ельцова поняла, что имеет в виду адмирал. За Смольным монастырем, как раз между комплексом городской управы Петербурга и Александро-Невской лаврой, находился коммерческий квартал столицы – несколько высотных зданий, поднимавшихся к небу, будто сверкающие зеркальным стеклом сталактиты. На нью-йоркский Манхэттен это, конечно, мало походило, но функцию этот район выполнял приблизительно такую же: банки, резиденции крупных корпораций, петербургская Биржа...

– Сейчас мои сотрудники обследуют все возможные точки, откуда террористы могли запустить ракету по вашему автомобилю. Согласитесь, с площадок на крышах сорокаэтажных небоскребов обзор прекрасный, особенно если найдется соответствующая аппаратура... Впрочем, это уже не суть. Я сам разберусь. Вы, наверное, напуганы?

– Подождите, сейчас я упокоюсь и тогда смогу побояться как следует, – легкомысленно брякнула Маша. – Однако простите, Николай Андреевич, я несколько разочарована.

– В чем? – поднял брови адмирал.

– Это странное покушение... Сегодня, когда приехала домой, я имела крайне необычный разговор через сеть Интернет с отлично информированным анонимом...

– Знаю, – согласился Бибирев. – Я же еще днем предупредил, что буду старательно вас опекать. Но, к сожалению, я знаю только о факте вашей беседы с неким таинственным лицом. Компьютерщики моего учреждения, увы, не отследили сигнал – ваш абонент может быть только гением-программистом, создавшим универсальную систему защиты и кодирования сигнала... Мне известны несколько таких умников, причем сорок процентов из них работают на меня или ведомство генерал-фельдмаршала Слепцова. Замечу, я просто физически не успел подключить их к линии, чтобы обеспечить ваше спокойствие... Еще сорок процен-

тов подобных спецов служат ООН, европейцам или янкесам, а остаток – любители, неподконтрольные никому. Так о чем вы ворковали с нашим загадочным незнакомцем?

– О животных, – напрямик заявила Маша. – Иных. Это человек утверждал, будто знает о предстоящей экспедиции, и попросил меня по окончании рейса представить ему некоторые материалы. Если, конечно, американцы хоть что-то сумели узнать.

– А вы?

– Я? – Ельцовой было неудобно врать адмиралу, но... – Я кое о чем его поспрашивала.

– Сколько сулил? – быстро задал вопрос Бибирев.

– В три раза больше, чем вы, – честно призналась Мария Дмитриевна. – Но вы ведь мне ничего не обещали, кроме стандартной оплаты командировки? А ноль сверх гонорара, помноженный на три, равен нулю?

– А потом? – продолжал насеждать адмирал. Маша почувствовала, как самолет, бежавший по полосе, оторвался от бетонного покрытия и резко ушел в воздух. Слегка начало щемить под ложечкой. Однако взлет ничуть не повлиял на качество изображения монитора.

– Потом? – Маша почесала в затылке. – Потом он предложил двадцать пять миллионов долларов. Или такую же сумму в рублях по официальному курсу. Мне за пять жизней столько не заработать... Я не согласилась.

Бибирев молчал, будто дожидался дальнейших признаний.

– Я... – Ельцова запнулась. – В общем, я вытянула из этого человека кое-какие сведения. Вам интересно?

Она ожидала какого угодно ответа. Теоретически Бибирев мог сейчас отдать приказ пилотам посадить самолет обратно на Ржевку и вышвырнуть болтливую госпожу консультанта из проекта, а вдобавок обеспечить Маше огромное количество самых разнообразных неприятностей. Что ей стоило разорвать связь с «мистером Всезнайкой» немедленно, в самом начале подозрительного разговора?

Реакция адмирала Ельцову просто ошеломила. Начальник службы Имперской Безопасности Российской империи пожевал губами, посматривая куда-то в сторону от видеокамеры, затем качнул головой и преспокойнейше произнес:

– Нет, не интересно. Полагаю, это была чисто профессиональная информация, а я не собираюсь забивать себе голову лишним багажом.

– Но... – заикнулась Маша.

– Вы все правильно сделали, – пожал плечами Бибирев с самым безразличным видом. – Если когда-нибудь этот человек снова решит поговорить с вами – не противьтесь.

– Да в чем дело? – Ельцова теперь по-настоящему забеспокоилась. Чисто автоматически отметила про себя – самолет уже набрал высоту и лег на соответствующий курс. Только куда?

– Понимаете, – медленно начал адмирал, – в этом беспокойном мире существуют силы, скажем так... э-э... надгосударственные. Точнее, внегосударственные, не имеющие отношения к имперским министерствам, тайным службам великих держав или финансово-промышленным кругам. Списывать их со счетов было бы неосмотрительно, а то и глупо. В общем, сейчас ни о чем не беспокойтесь. Я подозреваю, с кем конкретно вы общались, и постараюсь проверить. А как только, – Бибирев неожиданно сменил тему, – как только мои фокстерьеры разносят след лисы, запулившей по вам вакуумной боеголовкой, я с удовольствием вам сообщу. Всего хоро...

– Последний вопрос! – поторопилась Маша. – Куда мы летим? То есть я и Сергей Казаков?

– Вот он вам все и расскажет, – улыбнулся Бибирев. – До свиданья. Надеюсь, через несколько недель увидимся, и вы заслуженно получите не ноль, помноженный на три, а немного больше. Доброй охоты, Маугли.

Связь была разорвана со стороны адмирала мгновенно. Экран просто погас, и только в уголке полыхал золотым значок Министерства обороны.

Мария Ельцова застыла, будто ее удар хватил. Для полноты картины не хватало только текущей слюны из угла рта. Бибирев, конечно, не врал (люди его положения не размениваются на дешевые розыгрыши и откровенную ложь) – неожиданным абонентом Интернета, разговаривавшим с Машей, он сам быть никак не мог. Но откуда он узнал, как попрощался со штатным консультантом экспедиции «Мудрый удав Каа», явившийся из виртуальных далей всемирной компьютерной сети? Что за чертовщина?

– Поговорили? – участливо спросил из-за спины Казаков. – Мария Дмитриевна, ау! Отчего такой бледный вид?

– Да так, – нервно хмыкнула Маша. – Вот, кстати, адмирал сообщил, будто вы, Сергей, знаете все и расскажете мне о дальнейших наших действиях.

Самолет чуточку затрясло – воздушные ямы. Господин лейтенант уселся на подлокотник кресла, в котором разместились Ельцова, и скучным голосом отрапортовал:

– Часа через полтора мы приземлимся в Плесецке, на космодроме Вооруженных Сил. Там сидим около суток, ждем остальную команду. Потом выходим на орбиту Земли, пересекаемся и отправляемся в Дальний космос искать приключений на свою жо... извините.

– Да ничего, – махнула рукой Маша. – Я еще по прошлому путешествию к LV-426 привыкла к военному жаргону. А если вспоминать мои командировки и долгое общение с колонистами в дальних мирах, материться я научилась ничуть не хуже вас.

– Отлично, – откровенно фыркнул Казаков. – Идемте, познакомлю кое с кем. На этих сержантов не обращайтесь внимания – они только нас провожают и не входят в состав основной группы.

Маша отстегнула ремень и, увлекаемая лейтенантом, прошла дальше, в сторону пилотской кабины. Обнаружился еще один отсек с удобными креслами, обитыми синим бархатом, столиками, на которых громоздились бутылки с хорошим вином. Двое офицеров в серо-сизой форме германских ВВС при виде дамы встали.

Маша быстро окинула тевтонцев взглядом. Один в чине капитана, другой – обер-лейтенанта. Плетеные погоны с ромбовидными звездочками, квадратные петлицы с дубовыми листьями и столь же квадратные челюсти. Смотрят, однако, вполне доброжелательно.

– Это и есть наши подельщики. – Казаков улыбнулся углом рта. – Господа, позвольте представить самого умного человека в нашей компании головорезов – Мария Дмитриевна Ельцова, консультант по вопросам чужой жизни.

– Очень рада, – кивнула Маша.

Лейтенант продолжал:

– Тот, который повыше и помрачнее, – офицер особого отряда по борьбе с терроризмом...

– Юлиус Эккарт, – чуть поклонился герр обер-лейтенант. Говорил он на хорошем русском. – Счастлив познакомиться, госпожа Ельцова.

– Карл Реммер. – Рыжеватый капитан отнесся к Маше не менее любезно. И языком Пушкина и Толстого владел столь же свободно. – Присаживайтесь, ваша компания отлично скрасит скучную мужскую вечеринку.

Ельцова пожала протянутые руки, не глядя на многозначительную ухмылку Казакова, выглядевшего по сравнению с высоченными и широкоплечими германцами, прямо скажем, маленьким и невзрачным.

– Большое спасибо, – ответила Маша, мигом вспомнив, что присутствие верных союзников России на борту этого самолета ничуть не противоречит правилам игры, затеянной адмиралом Бибиревым. – Только пожалуйста, господа офицеры, давайте не будем пока говорить о делах. Для этого время еще найдется.

Большой самолет цвета бурых морских водорослей плыл над облаками, посеребренными убывающей луной. Далеко в небесах поблескивали звезды, холодно посматривая на обжитой людьми мир. До Плесецка оставалось чуть больше часа пути.

Глава четвертая В ДОРОГУ ДАЛЬНЮЮ...

23 января 2280 года,

космодром Плесецк, Россия

– Ой, Маша, ну вы таки не понимаете! Все разговоры о дальнейшем развитии цивилизации основаны только на внешнем впечатлении! Если теперь можно приготовить роскошный обед всего за сорок секунд с помощью консервантов и домашней квантовой печи, то это вовсе не означает, что мы далеко ушли от предков, скакавших на диких лошадях и объедавшихся полусырым мясом, поджаренным над костром! Обезьяну тоже можно научить нажимать на кнопки!

Ельцова в продолжении этой бурной речи скатала снежок и запустила в собеседника.

– Вот! – восторжествовал худощавый мужчина в теплом комбинезоне на меху. – Очередное доказательство нашего варварства! Никаких аргументов, одни агрессивные действия, компенсирующие незнание и непонимание! Так что получите!..

Прогуливавшийся с Машей человек, поправив очки, нагнулся, зачерпнул пригоршню снега и довольно неумело отправил снежный ком в спину госпожи консультанта. Как ни странно, попал.

– Да вы продолжайте, Веня, – благожелательно закивала Ельцова, отряхнувшись. – Я слушаю очень внимательно.

– Так вот, к вопросу о цивилизации и цивилизованности...

Они гуляли уже больше двух часов. Пользуясь правом беспрепятственного прохода куда угодно на территории базы, Маша и доктор Гильгоф отправились побродить по зимнему еловому лесу, окружавшему протянувшийся на много километров комплекс, принадлежавший военно-космическим силам. Тем более что возможность в следующий раз побывать на свежем воздухе предоставлялась очень не скоро.

Маша находилась в Плесецке около суток и маялась бездельем. Лейтенант Казаков и его германские коллеги пропадали неизвестно где, вплотную занимаясь подготовкой к полету, а госпоже консультанту делать пока было абсолютно нечего.

Ельцова, получив карточку-пропуск, устроила сама себе экскурсию по ангарам (в некоторые строения ее, впрочем, не пустили), понаблюдала за скучным и отнюдь не эффектным стартом какого-то рейдера... То ли дело лет триста назад, когда люди отправлялись в космос на «огнедышащих драконах», ракетах на газовом или твердом топливе.! Наверняка это выглядело красиво – рев пламени, дымный шлейф, палочка-спичка ракеты, уползающая в небо... Тогда никто не имел представления о ядерных двигателях, установках, моделирующих гравитацию, или полетах через искривленное пространство Лабиринта.

Кстати, именно о техническом прогрессе и разгорелся Машин спор с Гильгофом.

– Наше стремительное движение вперед, – чуть задыхаясь, будто от астмы, втолковывал доктор из «Калуги-9», – в действительности является самым обычным топтанием на месте! Только топчемся мы по-разному – когда быстрее, когда медленнее, иногда подпрыгиваем, потом приседаем. И это почему-то гордо именуется прогрессом!

– А разве нет? – спросила Маша.

– А разве да? – с классическим одесским акцентом ответил вопросом на вопрос Гильгоф. – Посудите сами: за триста лет космической эры произошло только два стоящих открытия. В результате нелепой случайности человечество уподобилось Богу-творцу, создав подделку под живую жизнь и почти настоящий разум. Я имею в виду высокоразвитый искусственный интеллект. Второе – теория этого англичанина Эндерби, позволившая нам выйти в Дальний космос.

– Знаете, – осторожно призналась Маша, – мне почему-то жалко Альберта Эйнштейна и его многочисленных последователей, так долго заблуждавшихся...

– Эйнштейн был гениальным мистификатором! – горячо воскликнул доктор. – Не знаю, зачем ему понадобилось создавать правильную в принципе теорию, подтверждения которой встречаются на каждом шагу, и одновременно вставить в свои выкладки несколько разбросанных и крайне незаметных ошибок, успешно никем не замечаемых почти сто пятьдесят лет. Полагаю, он сделал это умышленно...

– Почему? – вытаращилась Маша. – Зачем было Эйнштейну сознательно обманывать?

– Шутка, – пожал плечами Гильгоф. – Фантастический по своей продуманности розыгрыш. В особо крупном размере, как выразились бы костоломы из следственного отдела нашего несравненного адмирала... И с особо тяжелыми последствиями. Вам никогда не приходило в голову, что Эйнштейн – человек, исключительно одаренный и способный заглядывать в будущее – просто не хотел, чтобы его сограждане однажды покинули пределы Солнечной системы?

– Вы хотите сказать... – запнулась Ельцова.

– Я не хочу ничего сказать! – нетерпеливо перебил ее доктор. – Выводы можно сделать самостоятельно. Если события будут развиваться и дальше в направлении, по которому мы, то есть абстрактное «человечество», идем уже много десятилетий, то может встать вопрос о выживании *Homo sapiens* как вида. Только не говорите, что мы плодовиты, приспособляемы и изобретательны.

– Я и не говорю... – Маша была несколько сражена напором аналитика и даже не пыталась возражать. Однако отрицать, что предположения Гильгофа разумны и основательны, было трудно. Доктор увлеченно продолжал:

– Эйнштейн, вероятно, предвидел, что человечество за пределами своего мира, о котором, к слову, мы до сих пор знаем очень мало, столкнется с опасностями вообще непознаваемыми. Вчера вирусы, сегодня эти ваши монстры-Иные, а завтра? Вдруг какой-нибудь исследователь наткнется в одной из дальних планетных систем на такое апокалиптическое чудовище, с которым можно бороться только путем массового самоубийства? Поэтому старик Альберт и решил всех запутать... И надо же такому случиться – этот болван Эндерби посидел над теорией относительности, откопал противоречия, выдвинул свои тезисы...

– И что теперь?

– Теперь? – тихо рассмеялся Гильгоф. – Теперь мы с вами вынуждены тащиться к черту на кулички, в эту дурацкую экспедицию. Благодаря тому же Эндерби! Если бы люди слушали Эйнштейна, пройдоху и обманщика, на сегодняшний день мы с трудом осваивали бы Солнечную систему. Поверьте, ничего страшного в этом бы не было. Полезных ископаемых, источников энергии и загадок, столь необходимых людям, на наших девяти планетах более чем достаточно. На одной Венере нефти хватит еще на двадцать тысяч лет. Так нет же! Ухватились всеми конечностями за новую игрушку – лабиринтный двигатель, сунули нос в несколько десятков чужих миров, наследили, набросали окурков, яблочных огрызков и банок из-под «Кока-Колы», а теперь удивляемся: откуда на нас свалилась напасть в виде ваших зубастых знакомцев?

– Случайность, – упрямо возразила Маша. – И некомпетентность американцев, которые решили связаться с демоном, о котором не имеют никого представления!

– Ой, только не надо все валить на янки! Они, безусловно, лопухи, но вот от вас я никак не ожидал разговора о «случайностях». Запомните – ничего в мире не происходит слу-

чайно. Включая упомянутое топтание на месте. Смотрели старинные фантастические фильмы? Например «Пятый элемент»? Наверняка смотрели, классика все-таки. В XX веке люди полагали, что будущее – это царство высоких технологий. Летающие автомобили, гигантская перенаселенность, совершенство аппаратуры. Действительность опровергла эти домыслы. Мы ничего не изобретаем, мы просто совершенствуем изобретенное ранее. В 1970 году компьютер весил полторы тонны и с трудом мог сложить два и два. Сейчас компьютерный процессор не превышает массой нескольких микрограммов и отвечает на вопрос раньше, чем его задашь. Внешне – да, несомненный прогресс. А суть одна и та же. Принцип одинаковый!

– Логично, – закивала Маша. – Автомобили по-прежнему ездят по дорогам на земле, до сих пор используются бензиновые двигатели, мужчины носят такие же пиджаки, как и пару сотен лет назад, лучшим косметическим средством до сих пор считается розовое масло, а самым разрушительным оружием остается ядерное.

– Именно! – радостно воскликнул Гильгоф. – Человек из двадцатого века чувствовал бы себя здесь как дома. Конечно, потребуется какое-то время на адаптацию, но через неделю вы не отличите его от соседа по дому. Техногенная цивилизация не развивается, а совершенствуется. Чувствуете разницу между этими двумя понятиями?

– И что, по-вашему, ждет человечество, Вениамин?

– Вырождение! – безапелляционно заявил доктор. – Мы попросту зажемся. А когда появится ктонибудь, начиная от простейшего вируса, от которого не найдем антидота, и заканчивая более высокоразвитыми существами – вымерем. Не сразу, конечно, это процесс долгий. Нас должны подстегнуть, направить в новое русло развития. И наплевать, что мы будем долго морщиться от боли и на теле появятся шрамы от плети. Лучше немного потерпеть перемены, чем медленно угасать. Ваши Иные могут стать одним из вариантов такой плети. Я почти не сомневаюсь в том, что сейчас у человечества появился неординарный конкурент в виде этого биологического вида. Соответственно начнется борьба за выживание, чаще именуемая эволюцией. Я не вижу в найденных на LV-426 животных воплощения зла. Только конкурентов. Которые теоретически могут обставить нас в три хода.

С севера, из тайги, задул ветер, понес колкие мелкие снежинки. На севере темнеет рано, а потому следовало возвращаться в комплекс, чтобы не заплутать. Маша взяла увлекшегося доктора Гильгофа под руку и ненавязчиво повлекла обратно.

– Вы пессимист, Веня, – сказала она. – По-моему, все не так мрачно.

– Возможно, – сморщил нос Гильгоф. – Мудрость древних гласит: «Пессимист – хорошо информированный оптимист». А на предмет моей теории... Вам понравилось? Нет? Конечно, она никому не нравится. Включая адмирала. Как думаете, почему я напросился лететь с вами?

– Проверить на опыте? – предположила Маша. – Лицом к лицу встретиться с «конкурентами» человечества? А если съедят?

– Значит, – усмехнулся доктор под нос, – человечество в моем лице не выдержало соперничества. Становится холодно, идемте в дом...

* * *

Ельцова, оставив позади несколько постов молчаливой охраны, прошла по коридору здания, в котором разместилось командование Плесецкой базы, не без труда нашла отведенную ей комнатку-конуру. Гильгоф отправился куда-то по своим делам – доктора вызвали через ПМК на один из складов.

«Вот интересно, – размышляла Маша, отстегивая куртку темно-синего комбинезона. – Теория у очкарика (кстати, почему он носит неудобные очки, а не линзы? И вообще, опера-

цию можно сделать... Издержки имиджа?) самая что ни на есть шизофреническая, но звучит отлично. Иные – конкуренты землянам! Катализатор эволюции! Хорошие заголовки для сенсационных статей. Однако адмирал Бибирев не стал бы держать в своей Конторе откровенно безумного человека, а благородная сумасшедшинка, явственно прослеживающаяся у Гильгофа, была свойственна ученым во все времена – от Диогена до Эйнштейна... Блин, но как он загнул с Эйнштейном!»

Постучали в дверь. Маша открыла, обнаружила младшего сержанта в черной форме, державшего в руках закрытую пластиковую чашку совершенно громадных размеров.

– Господин майор прислал вам чай, – буркнул сержант.

– Какой господин майор? – не поняла Маша, но сразу вспомнила, что один из сотрудников штаба откровенно строил ей глазки с самого момента появления Ельцовой на базе. – Да, спасибо. Вы не знаете, где может быть лейтенант Казаков из подразделения «Грифон»? Утром он вроде бы крутился как раз в штабном здании...

– Нет, – отрезал сержант, передал Маше бокал, в котором плескалось не менее литра горячей жидкости, щелкнул каблуками и исчез.

Ельцова устроилась на диванчике, взяла электронный блокнот, сохранявший в памяти сведения, переданные Удавом Каа, и еще раз просмотрела очень странный документ, невесть какими путями раздобытый таинственным визави адмирала Бибирева. Это была снятая ручным сканером копия с личного бланка не кого-нибудь, а директора Центрального Разведывательного Управления США. Удав Каа, судя по всему, располагал колоссальными возможностями...

В документе значилось следующее:

«Подразделению „Грифон“. Строго секретно.

Обеспечение безопасности объекта S-801 перепоручается Министерству обороны. Надлежит немедленно передать все файлы и документы сотрудникам группы „Апач“, прибывающей на место 01.02.2280. Особое внимание уделить отчету об операции „Рейн“. Предоставить все материальные доказательства успешного завершения акции. Об исполнении доложить лично по каналу „Огайо“».

На первый взгляд, бред бредом, понятный только посвященным специалистам из ЦРУ. Единственный напрашивающийся вывод – янки переподчиняют одну из своих секретных баз оборонщикам, хотя раньше она принадлежала разведке. Можно опереться на дату – первое февраля этого года. Возможно, новые хозяева придут в свои владения именно в этот день. Но это только первый взгляд.

Удав Каа, как окрестила Маша своего интернетовского знакомого, поделился с ней своими подозрениями, основанными на дополнительных источниках информации. По его мнению, речь шла именно о базе, где янкесы проводили эксперименты с Иными. Скорее всего, лаборатория раньше принадлежала корпорации «WY» и теперь конфискована или задействована правительством США для своих целей. Операция «Рейн», упомянутая в документе, наверняка подразумевает испытание нового вида биологического оружия в погибшей немецкой колонии. Название-то откровенно тевтонское, река такая есть в Кайзеррейхе...

Это, конечно, только предположения Удава Каа, но очень уж правдоподобно они выглядят. В таком случае кораблю с российским десантом нужно появиться в районе Гаммы Феникса заранее, успеть сделать все дела и тихо исчезнуть, не привлекая возможного внимания. Но при чем здесь «Джихад»? Тем более что американцы сами терпеть не могут террористов-исмаилитов...

Информатор передал Ельцовой еще несколько своих заключений по разработкам, проводимым «Новым джихадом». Прекрасно организованные террористы действительно пытались создать свое бактериологическое производство, однако пока особых успехов не достигли. Доступ к по-настоящему опасным исходным материалам, как земным, так и инопланетным

болезнетворным организмам был перекрыт начисто. Пробирки с образцами культур хранились в тщательно охраняемых великими державами лабораториях.

– Да, черт побери! – рявкнула Маша, заслышав очередной стук в дверь. Не иначе, теперь скромный до назойливости майор прислал свежие розы. – Ну?

На пороге стоял взмыленный Казаков. Никаких роз при нем не наблюдалось.

– Чего сидите? – с ходу начал он. – В курсе, что вылетаем через двадцать минут? Мы уже обыскались! А Гильгоф не помнит, где он вас потерял!

– Почему так срочно? – опешила Ельцова. – Ведь собирались ночью... Астрономы мне что-то объясняли по поводу эклиптики...

– Бегом! – шикнул лейтенант. – Берите вещи и топайте за мной! Двенадцатый ангар, там челнок. Все собрались давным-давно. Зачем вы отключили свой ПМК?

– Да я его и не включала, – опомнилась Маша, кидая в сумку блокнот и хватая с дивана куртку. – Извините...

– Ваше счастье, что не вы у меня сержантом, – на ходу сказал Казаков. Он повел Машу к длинному закрытому туннелю, протянувшемуся от здания командования к ангарам. – Ладно, забыли. Пока вы гуляли с доктором – кстати, он доктор каких наук? – заявила куча знакомого народу. Аж ностальгия пробирает и хочется снова подышать аммиачным воздухом LV-426.

– Кто приехал? – Ельцова перебросила сумку на другое плечо и, завидев впереди очередной караул, машинально полезла в карман за карточкой.

– Наши старые врачи – Ильин с Логиновым, помните? Ник-англичанин... Убей бог, не пойму, отчего Бибирев согласился с моим предложением впутать в эту историю иностранца. Странно, правда?

– Бишоп здесь?

– Пока нет. Мне сообщили, что его удалось выдернуть из Цюриха. Наверное, будет ждать нас уже на орбите... Вдобавок нам отрядили лучших ребят из «грифонов» да несколько человек из германского подразделения «Фальке».

«Фальке – сокол, – мысленно перевела Ельцова. – Отряд по борьбе с терроризмом. Как же все вокруг напоминает старую песенку: „Раз пошли на дело я и Рабинович“... Только вместо Рабиновича – Веня Гильгоф. С тараканами в голове и безумными теориями. Весело».

Атмосферный модуль оказался самым стандартным – обычный пассажирский аппарат «Ярослав», доставлявший людей с Земли на орбитальные станции и крупные межзвездные корабли. Последние никогда не приземлялись на планету – очень уж большие, а их ядерные двигатели могли разрушить и без того нестойкий озоновый слой. Крейсера наподобие приснопамятной «Патны» строились в космосе, в доках станции «Кронштадт» или на предприятиях Луны.

Казаков взбежал по трапу челнока, отправил Машу в пассажирский салон, а сам исчез за переборкой пилотской кабины.

– О, здравствуйте!

Ельцова, пробираясь между рядами кресел, прямиком наткнулась на бородатого и высокорослого сорокалетнего мужчину. Доктор Федор Логинов. Именно он был ее лечащим врачом на «Патне».

– Как я рад вас видеть, Маша! Не ожидал, что еще раз полетаем вместе.

– Я тоже, – призналась Ельцова. – Где вы работали после нашего... э-э...

– В орбитальном госпитале на «Гэйтузее». Вы садитесь, слышите – двигатели запускают?

Маша пролезла к квадратному, со скругленными краями иллюминатору. Челнок, общим видом более напоминавший небольшой сверхзвуковой самолет, уже выбрался из ангара и полз к полосе. «Ярославы» не были оснащены двигателями вертикального взлета, что, впрочем, им и не требовалось – это не военная модель, а чисто гражданская. Даже опознавательные знаки

челнока на фюзеляже, как заметила Ельцова, принадлежали одной из маленьких авиакомпаний, а никак не Министерству обороны.

– Что вообще стряслось? – надоедал Маше врач, усевшийся в кресло рядом. – Меня да и Андрея Ильина – помните его? Конечно, помните! – так вот, нас сорвали с «Гэйтуэя», привезли сюда, взяли подписку о неразглашении...

– Снова повоюем с Иными, – безжалостно сказала Ельцова. – Вас что-то не устраивает, доктор? Признаться, это я и лейтенант Казаков попросили, чтобы вас включили в состав экспедиции.

Логинов, похоже, отнюдь не удивился.

– Я ожидал чего-то такого, – грустно сказал он. – Знаете, очень не хочется опять попасть в историю наподобие случившейся на LV-426. Но я человек подневольный – подписал контракт с ВКК, к тому же офицер запаса... Неужто снова где-то обнаружили этих тварюг?

– Вы правы, – не вдаваясь в подробности, ответила Маша. – Смотрите, взлетаем! Терпеть не могу старты с крупных планет! А где Андрей?

– Во втором пассажирском отсеке, – ответил врач, торопливо пристегивая ремень. – Это трепло успело познакомиться с каким-то ужасно умным евреем из высоколобых и теперь спорит с ним о будущем цивилизации.

– Понятно, – вздохнула Ельцова. – Похоже, эти господа прямо-таки созданы друг для друга.

Челнок притормозил, вырлив на полосу, позади истошно завизжали двигатели. Однако пилот придерживал машину, ожидая, пока установки не выдадут требуемые для взлета обороты. Модуль неожиданно резко ринулся вперед, и внезапно легкая тряска прекратилась – аппарат ушел в воздух.

– Поехали, – фыркнул Логинов, повторив сакраментальную фразу Юрия Гагарина, преследовавшую всех астронавтов уже почти три сотни лет. В этот же момент начала исчезать сила тяготения – агрегаты, отвечавшие за комфорт пассажиров, устраняли ненужные перегрузки. Спустя несколько секунд раздался хлопок, обозначающий, что модуль мимоходом преодолел скорость звука, остались далеко внизу темные облака, а звездное небо начало быстро приближаться, превращаясь из темно-синего, вечернего, в бездонно-черное.

Двигатели второй и третьей ступени вступили в действие своевременно, и челнок, проборздив верхние слои атмосферы, вскарабкался в открытый космос. Пилот уверенно вел аппарат к станции «Кронштадт». Лишь немногие его пассажиры знали, что на орбитальном комплексе предстоит еще одна пересадка – на этот раз нужно было перейти на отправляющийся к Проксиму Центавра немецкий торговый рейдер «Кайзер Вильгельм», а затем...

Адмирал Бибирев старательно заметал любые следы. Системы слежения американцев (благо космическое пространство не делилось границами и зонами влияния) могли лишь зарегистрировать старт с космодрома Плесецк небольшого челнока и отметить, что он причалил к доку «Кронштадта». Подобное происходит ежедневно по нескольку раз.

Куда же потом отправятся пассажиры челнока – дело десятое. Даже если какой-нибудь бдительный американский наблюдатель отметит, что люди из Плесецка пересели на борт «Кайзера Вильгельма» – это означает лишь одно: новые колонисты или ученые отправляются на Проксиму.

В действительности странному отряду, возглавляемому лейтенантом Казаковым и его германскими коллегами, в районе помянутой звезды предстояло снова сменить транспортное средство и бесследно раствориться в Лабиринте.

* * *

Район ближайшей к Солнечной системе звезды – Проксима созвездия Центавра – местечко крайне скучное и неинтересное. Впервые земной корабль появился тут чуть больше двухсот лет назад, в самом конце двадцать первого века. Потом люди отправились дальше, оставив возле звезды перевалочную базу. Так как Проксима имела только два естественных спутника-астероида, представлявших собой громадные каменные осколки, размерами лишь немногим уступающие Луне, то для пущего удобства экипажей транспортных кораблей были построены впечатляющие своими размерами порты. Здесь могли швартоваться огромные межпланетные рейдеры, их груз перемещался на более легкие и маневренные транспорта, отправляющиеся к Земле. Лететь-то всего ничего – даже старинные и считающиеся ужасно медлительными корабли на твердом топливе преодолевали расстояние от Проксимы до границ Солнечной системы за четверо суток. Когда же появились более совершенные лабиринтные двигатели, позволявшие в десятки раз перекрывать скорость света в недрах Лабиринта искривленного пространства, путешествие от колыбели человечества к ближайшей базе можно было вовсе не заметить, настолько оно оказывалось быстрым.

Нефтеналивной танкер «Кайзер Вильгельм» (принадлежавший, если верить судовым документам, немецкой компании «Черный орел») прибыл к внешнему кольцу контроля Проксимы спустя двенадцать часов после вылета из Солнечной системы. Округлый и кажущийся ужасно неповоротливым корабль причалил к терминалу искусственного спутника «Форпост-1», руководство над которым осуществляли Европейское Экономическое Сообщество и Российская Внеземельная Компания – основные конкуренты американцев, построивших также вращавшийся на орбите звезды «Форпост-2».

Маша Ельцова неоднократно видела эти спутники либо в телевизионных передачах, либо в учебных программах Интернета, однако сама ни разу здесь не бывала. Все исследовательские рейсы, в которых она участвовала, отправлялись прямо из Солнечной системы к месту назначения.

– Фантастика! – Маша, выглядывая в иллюминатор, рассматривала медленно приближающуюся титаническую станцию «Форпост-1». Это был настоящий межзвездный торговый дом, более всего похожий на скопище пчелиных сот, соединенных меж собой ажурными стальными перекрытиями, трубами коридоров и штангами, удерживающими вместе отдельные части сооружения. Доки, складские ангары, танки, вмещавшие нефть и жидкий газ, отсеки для хранения руды, десятки швартовочных портов... И маленький жилой комплекс для обслуживающего персонала. Освещение скупое – тусклые синеватые бортовые огни да оранжевые и зеленые маяки причалов. Но все-таки «Форпост-1» впечатлял именно своими размерами. Даже орбитальная станция «Кронштадт» была поменьше.

– Вы правы. – Ельцова услышала за спиной голос Бишоп. – Очень масштабная постройка. Наверное, лет через двадцать пять «Форпост» вполне сумеет заслужить статус искусственной планеты.

– Вероятно, – кивнула Маша.

С андроидом они встретились на «Гэйтуэе», во время пересадки. Бишоп (как, впрочем, и всегда) был слегка задумчив, немногословен и потрясающе аккуратен во всем, начиная от скромной, но чистой одежды и заканчивая своим странным невмешательством в дела людей. Его, впрочем, можно понять – биологический робот, наделенный искусственным разумом, априорно не станет расспрашивать высшее существо, то есть человека, о чем бы то ни было. Он получает приказ и выполняет его. Хотя, как сообразила Маша, на этот раз андроиду ничего не объяснили. Может быть, он сам догадывался о дальнейших перспективах (логический центр у

синтетиков развит получше, чем у человека), но виду не подавал. Даже увидев очень знакомые по экспедиции «Патны» лица.

Кстати, о лицах.

Покойный Рональд Хиллиард то ли из-за тщеславия, то ли шутки ради придал всем биороботам серии «Бишоп» свой собственный облик. Оттого Ельцова, буквально нос к носу столкнувшись с андроидом перед посадкой на германский рейдер, на краткий миг опешила, подумав, что явилось привидение бывшего вице-президента «WY». Но мистер Хиллиард уже несколько месяцев был мертв – душу у него отняли Иные, а тело сгорело вместе с взорвавшейся «Патной». Так что нечего бояться призраков.

Во время перелета синтетик болтал с Машей обо всем и ни о чем, рассказывал об исследованиях в Институте ксенологии Цюриха, принадлежавшем ООН, честно доложил, что специалисты Организации поныне не могут уяснить принцип построения жизни Иного, хотя все три тела инопланетных тварей давным-давно разобраны по косточкам, если можно так выразиться.

Ельцову очень интересовало, обнаружались ли серьезные различия между организмами животных-хищников и их светлоокрашенных разумных собратьев. Бишоп в ответ только пожал плечами, сказав, что анатомически эти существа почти идентичны. Даже нервные узлы, разбросанные по всему организму и, вероятно, выполняющие функцию мозга, у тех и других по размерам не отличаются. Есть небольшая разница в химическом строении – и только. Ясно одно – Иной, как организм универсальный, обладает не только стандартными органами чувств, но и некими дополнительными, наподобие теплового зрения, биологического сонара и еще черт знает чего.

Словом, даже с наисовременнейшей техникой, используемой ООН в изысканиях, возиться придется долгие годы. Вот если бы имелся живой экземпляр...

Маша тотчас подумала, что Бишоп вполне сумеет удовлетворить свое научное любопытство на американской базе, где, как явствовало из размышлений адмирала Бибирева и совершенно точных сведений Удава Каа, штатовцы проводили работы именно с живыми существами.

– Прибыли, поднимайтесь! – После того, как танкер «Кайзер Вильгельм» слегка толкнуло и его бортовые шлюзы соприкоснулись с портом базовой станции, лейтенант Казаков пробежался между рядами кресел, подгоняя своих подчиненных и научный персонал. За его спиной постоянно маячил по-северному спокойный тевтон, любезный и скрытный, рыжеватый и выбритый капитан Реммер. Он уже снял форму офицера Люфтваффе, оставшись в неприметном серовато-сизом комбинезоне без знаков различия.

Маша за время, пока торговый рейдер шел от Земли к Проксиме, от скуки успела побродить по пассажирскому салону, познакомиться почти со всеми участниками экспедиции, а заодно поприветствовать старых друзей. Хотя из людей, участвовавших в прошлогоднем полете «Патны», здесь были только врачи, английский пилот да лейтенант Казаков с Бишопом, если, конечно, последнего можно назвать настоящим человеком. Маша подумала, что можно.

Военных, как это ни странно, было очень мало. Четверо абсолютно незнакомых Маше солдат из подразделения «Грифон» во главе с сержантом – кажется, его фамилия Ратников – да еще четверо немцев из «Фальке» вместе с обер-лейтенантом Эккартом. Союзники отлично говорят на русском – каждый. Вспомнив, что на «Патне» солдат было почти в три раза больше, Ельцова слегка забеспокоилась и решила потом прояснить этот вопрос у Казакова.

Итого шестнадцать человек и биоробот. Маловато...

– Мария Дмитриевна, вы что, заснули с открытыми глазами? – Андроид подтолкнул Машу, взял ее за локоть и быстро повел к выходу вслед за остальными.

Казаков громогласно поторапливал:

– Быстрее! Где доктор Гильгоф, черт бы его побрал? Вениамин Борисович, что вы канителитесь, как старая дева на могиле своей болонки? Маша, давайте за мной! Резвее!

– А куда спешим? – задала вполне резонный вопрос госпожа консультант. – Вы же ничего не объясняете!

Вышли через шлюз, прибывшую группу никто не встречал. По приказу лейтенанта свернули налево, в абсолютно пустынный, покрытый металлической обшивкой коридор с холодным голубоватым освещением. Казаков, возглавлявший небольшой отряд, топал вперед с видом человека, знающего все и обо всем. Вот он нырнул в уводящий куда-то в сторону узкий проход, над которым горела надпись «Порт-211», и вскоре наткнулся на закрытую многолепестковую дверь, более всего напоминавшую диафрагму старинного фотоаппарата. Ударил ладонью по красной клавише, засунул в щель свою личную карточку и, когда сигнал сменился на зеленый, стальные створки начали расползаться. За ними обнаружилась сложная система шлюзов и неширокий пластиковый трап, уходивший вниз, в полутьму. Казаков легко сбежал по ступенькам, фотоэлемент засек движение человека, и тотчас в квадратном провале разгорелся яркий, приятный глазу желтоватый свет ламп.

Когда остальные спустились, лейтенант продолжил командовать:

– Ратников со своими – направо! Обер-лейтенант Реммер – за ними! Госпожа Ельцова, господин Гильгоф и доктора следуют за мной.

Маша наконец сообразила, что сейчас они находятся внутри небольшого, но довольно комфортного на вид космического корабля неизвестной ей конструкции. Если на челноке «Меркурий», на котором Ельцовой привелось спускаться на LV-426, был длинный центральный коридор и по его сторонам располагались научные, грузовые и пассажирские отсеки, то здесь все было устроено несколько по-другому.

Проход, изредка прорезаемый эллиптическими иллюминаторами, тянулся вдоль правого борта, где-то впереди изгибался влево и, видимо, оканчивался в кабине пилотов. По левую руку имелось несколько раздвижных дверей-переборок – одна чуть позади стыковочного шлюза и две неподалеку от кабины. Казаков провел Машу, врачей, андроида и выглядевшего прирожденным скептиком Веню Гильгофа к передней двери.

– Сюда. – Он ткнул пальцем в кнопку, и створки бесшумно разъехались. – Здесь несколько тесно, зато...

Лейтенант обвел отсек площадью самое большое в тридцать квадратных метров таким жестом, будто показывал экскурсантам «Мону Лизу» в Лувре. Да, засмотреться стоило.

– Ого! – поднял бровь ученый из «Калуги-9». – Начальство, как погляжу, не скупится. Мило.

– Это все, что вы можете сказать? – притворно возмутился Казаков. – Признаюсь, его высокопревосходительство выделил нам небольшой корабль, однако по оснащению он превзойдет иной крейсер.

Маша застыла на пороге, раскрыв рот. Даже в Санкт-Петербургском Университете, прекрасно финансируемом и считающемся одним из самых богатых учебных заведений мира, о такой аппаратуре можно было только мечтать. Радиоуглеродный анализатор, к примеру, был размером не более ладони, электронный микроскоп напоминал небольшой сундучок, вместо обычной «скалы» в половину человеческого роста, компьютеры, судя по маркировкам, мощнейшие, способные за доли секунды обрабатывать триллионы бит информации... Не говоря уж об остальных полезных штуковинках, являющихся мечтой каждого человека, занимающегося серьезной наукой.

Очень компактно, исключительно надежно и невероятно дорого. Подобные удовольствия может позволить себе только могучая сила, за которой стоит не менее могучее государство. То есть адмирал Бибирев и его Контора.

– А что за стенкой? – деловито поинтересовалась Маша, указывая большим пальцем за спину, в сторону кормы.

– Гибернационный отсек, – пояснил лейтенант. – Пригодится. Лететь до Гаммы Феникса долго, вот и поспим. Еще дальше – оружейный склад, небольшая кают-компания и отсек, в котором находится десантный транспортер.

– Слышал я о таких кораблях, – закивал Гильгоф. – Вернее, не то чтобы слышал, а участвовал в их разработке. Их всего создано четыре штуки. Если не ошибаюсь, малый военно-исследовательский катер серии «Морана» с термоядерной двигательной установкой и максимальной дальностью действия в исследованных участках Лабиринта.

– Веня, – моментально влез медтехник, – и все-таки я хочу спросить – вы доктор каких наук?

– Всяких, – чарующе улыбнулся Гильгоф. – Господин Казаков, так я угадал или?..

– Угадали, – вздохнул лейтенант. – Она самая, «Морана». Прошу любить и жаловать. Название серии давали какие-то мрачные шутники, посему данный конкретный борт именуется вообще чудесно – «Триглав». Змей Горыныч, если по-научному. Вы располагаетесь...

Казаков исчез, забыв закрыть дверь. Доктор Логинов и его верный медтехник Андрей Ильин мигом начали препираться из-за мест возле медицинского терминала (маленький, но роскошный реанимационный комплекс-автохирург на двоих пострадавших или больных), Гильгоф устремился к аппаратуре, будто к сонму любимых родственников, а Маша, поняв, что здесь пока делать нечего, отправилась прогуливаться по «Триглаву» и выяснять точное местоположение всех помещений.

Для начала она вышла в коридорчик и, свернув влево, добралась до головного отсека корабля.

Ух, как круто!

Два места пилотов, отдельный терминал штурмана, который сейчас был целиком и полностью оккупирован ушедшим в общение с разумной машиной Казаковым. Скромная, на первый взгляд, приборная панель – оказалась тут специалист наподобие последнего капитана «Патны» Кристофера Хоупа, таковой пускал бы слюни от восторга. Какой, прежде всего, должна быть техника? Верно, простой! Потому что, как известно всем, сложная техника имеет крайне неприятное свойство портиться в самый ответственный момент и в том месте, которое труднее всего починить. Много лет назад люди пошли по ошибочному пути усложнения технологий и управления, но вовремя отказались... Здесь все просто: навигационные приборы, несколько радаров и сканеров, система ручного управления, основной терминал ИР корабля, отвечающего за жизнедеятельность аппаратуры, дублирующие комплексы, управляемый человеком штурман – и больше ничего, за исключением нескольких мелочей, не делающих погоды.

Собственно, с подобной механикой мог справиться и натасканный в компьютерных играх-симуляторах тинейджер. Единственно, он не сумел бы вести корабль в атмосфере и совершать некоторые особо сложные маневры (например, уклонения от астероидов-призраков, невидных на радаре и определителе массы постороннего объекта) – за этим до сих пор следит человек. Пусть машина во много совершеннее Homo sapiens, но превзойти венец творения во всем искусственному разуму пока не удалось.

...Первым глазеющую по сторонам Машу заметил давно и хорошо знакомый ей сержант Фарелл. Этому невысокому молодому англичанину во время экспедиции на Ахерон не слишком повезло – его едва не сожрал Иной-хищник; челнок, которым командовал Ник, оказался поврежден настолько, что превратился из первоклассного корабля в груды никому не нужного металлолома, и в довершение всех неприятностей пилоту досталась изрядная доза нейротоксина, которым Иные обычно парализуют своих жертв. Просто удивительно, что он мог повторно согласиться на подобную экспедицию... А может быть, и не соглашался?

– Идите сюда. – Фарелл призывно замахал рукой. Когда Ельцова оказалась в пределах досягаемости, ухватил ее за рукав куртки и едва не силой усадил на подлокотник кресла. В отличие от остальных, он предпочел говорить по-английски. – Только посмотрите, какая роскошная техника! Эх, жаль, что я здесь только вторым пилотом, а то бы мы полетали!

– В таком случае живыми до места назначения мы бы точно не добрались, – съязвила Маша, прекрасно зная, какие финты обычно вытворяют пилоты, оказавшись в открытом космосе. Между прочим, именно Фареллу принадлежала идея отстыковать от бьющейся в агонии «Патны» челнок, не выводя материнский корабль из пространства Лабиринта. Как ни странно, все остались живы, отделавшись ушибами и легким испугом.

– Обижаете, мисс, – насупился пилот. – В моем послужном списке нет ни единой аварии!

– Значит, вы их достаточно умело скрывали, – безжалостно сказала Маша. – Хотя кто-нибудь мне скажет, когда мы отправляемся и каково время в пути? Или это невероятно секретные сведения?

– Отправляемся скоро, лететь недалеко, – в тон Ельцовой ответил Казаков. – Мария Дмитриевна, когда отчалим и перейдем барьер Лабиринта, все узнаете.

Маша придвинулась ближе к креслу штурмана и взгляделась в плоские экранчики навигационной системы. Судя по всему, ни Казакову, ни пилотам не требовалось самостоятельно рассчитывать курс – это было сделано заранее. На центральном экране мелькали графики логарифмической программы, вступавшей в действие после активации автопилота. В задачу людей входило только оживить организм маленького корабля, потом же катер все делал самостоятельно.

– Ну вот, – слегка гнусаво пробормотал лейтенант, – если продолжать ассоциации со Змеем Горынычем, мы начистили когти, развернули крылышки, хлебнули бензину и можем спокойно отправляться.

– При чем здесь бензин? – не поняла Маша.

– Драконы плюются огнем, – наставительно сообщил Казаков. – Это во всех сказках говорится. Наверное, они устроены по принципу огнемета – сначала выпьют горючего, а потом отпрыгивают.

– Чушь. – У Ельцовой загорелись глаза. – Как ксенобиолог, могу сказать, что существо, похожее на гипотетического дракона из сказки, обитает на планете Гермес в системе Вольф-360 и именуется «Draco vivernus». Это по-латыни. Механизм огнеметания у этой маленькой ящерицы крайне прост, и она замечательно обходится без всякого бензина. У Draco vivernus есть особый орган, вырабатывающий метан, и вдобавок ящерицы оснащены своего рода биологическим электрогенератором. Почти таким же, как у морских скатов или амазонских угрей. Особь выдыхает газ, затем следует воспламенение от искры... Получается маленький фонтанчик пламени.

Казаков стоял, скрестив руки и наклонив голову.

– Маша, – проникновенно начал он, – это все ужасно интересно. Если хотите, я когда-нибудь непременно приду в университет на вашу лекцию, послушать, каких еще чудовищ породили другие миры. Но, во-первых, мы сейчас вылетаем и посему я просил бы вас отправиться в пассажирский отсек. Во-вторых, надо благодарить судьбу, что у наших зубастых приятелей с LV-426 нет подобных органов. В-третьих... А это еще что?

Чуть левее от места пилота-навигатора находился терминал дальней связи, линии Планка – исключительно полезная вещь при полетах за пределами Солнечной системы. В отличие от космических кораблей, преодолевающих расстояние пусть через искривленное, но все-таки пространство, этот агрегат работал совершенно по иному физическому принципу – теории суперструн. Прибор был редким, дорогим, потребляющим массу энергии, и оснащенных им кораблей насчитывалось едва ли больше трех сотен.

Однако дальняя связь сейчас молчала. Кто-то вызывал челнок с помощью направленного луча. Судя по частоте, с которой появлялся вызов, абонент был очень настойчив.

– Не может быть. – Казаков плюхнулся в кресло и протянул руки к клавиатуре. Обернувшись, он крикнул пилотам: – Ник, быстро отследил источник! Капитан Реммер, переключите все системы связи, кроме антенны, принимающей сигнал!

Он нажал на клавишу ввода и, не глядя на стоящую за спинкой сиденья Машу, пояснил:

– Это не могут быть свои – они взломали комплекс защиты от постороннего вмешательства... Значит, обошли ИР корабля и лезут напрямую. Что за шутки?

– Бибирев? – подняла бровь Ельцова. – Какие-нибудь запоздалые инструкции?

Пока загружалась программа визуальной связи, Казаков ответил:

– Его высокопревосходительство понятия не имеет, что мы здесь находимся. Равно как и правительство, департаменты Имперской Безопасности и прочие структуры Империи. Нас вообще не существует, уяснили? Полная автономность. Диспетчерская служба «Форпоста» пребывает в уверенности, что к этому порту причалила перевозящая руду баржа. Именно ее код передается транспортному контролю станции...

Наконец появилось изображение. Казаков ошеломленно крикнул и шепнул под нос такую фразу, что Маша покраснела.

Никакого лица абонента на мониторе не было. Вернее, было... Компьютерная анимация. Мультфильм. Картинка с добродушным розовощеким и шевелящим усами Дедом Морозом. Или, если угодно, Санта Клаусом. Дед Мороз в красной, отороченной белоснежным мехом шубке сидел в ледяном кресле. В окошке его домика было видно северное сияние. У ног в валенках лежал большой мешок с подарками.

– Что за... – нервно начал командир экспедиции, но Дед Мороз поднял затылок и в варежку ладонь и приветливо помахал ею. Над его головой появилась надпись, как в комиксе:

«С прошедшим Новым Годом, господин лейтенант!»

Казаков покосился на Фарелла. Пилот разочарованно шепнул:

– Эта сволочь ретранслирует луч через местный спутник связи, оснащенный приемником Планка. Я не могу его засечь.

«Ясненько, – подумала Маша. – Значит, наш снеговик может находиться и в соседнем комплексе „Форпоста“, и на Земле, и вообще где угодно. Ну и ну!»

«Откуда вы знаете, что я лейтенант?» – отстучал на клавишах Казаков.

Дед Мороз беззвучно рассмеялся. Всплыли новые красные буквы:

«На корабле работает видеокамера. Так что опознать вас и заглянуть в ваш послужной список – задача для начинающего. Выйти через ваш компьютер к системе внутреннего наблюдения корабля не представляет особого труда. Не хотите, чтобы я вас видел – выключите».

Казаков дернулся было к клавише, но почему-то не стал ее трогать. Вместо этого он набрал:

«Что вам нужно?»

«Вопрос следует поставить по-другому: что нужно вам? На выбор – выполнить приказ, доблестно пасть, оказаться в руках противника и капитулировать или вернуться на Землю и попасть под огонь большого начальства. Нужно подчеркнуть».

«Это угроза?»

«Что вы как ребенок, насмотревшийся плохих боевиков? Это предупреждение. Мне, между прочим, от вашей гибели будет ни жарко, ни холодно. А в самом неприятном случае господин Бибирев огребется скандалом на весь мир – русские садисты варварски истребили мирную колонию. Представляете заголовки?»

«Какую колонию?» – Лейтенант благоразумно сделал вид, что знать ничего не знает.

«Не прикидывайтесь, я говорю совершенно серьезно».

«Если серьезно, – яростно отбил Казаков, – ты бы, приятель, представился и показал свою настоящую рожу вместо этой дурацкой картинки. Конец связи».

Прежде чем лейтенант отключил терминал, появилась последняя надпись:

«Не жалуйтесь потом, что вас не предупреждали!»

Добродушный Дед Мороз на мониторе внезапно превратился в черный скелет, закинувший ногу на ногу, а подарочный мешок обернулся пороховой бочкой с горящим фитилем. На округлом боку бочонка почему-то был нарисован маленький звездно-полосатый флажок. Фитиль догорел, бочка взорвалась, беззвучно полыхнув оранжевым и белым цветом.

Экран погас.

Глава пятая КОРАБЛЬ, КОТОРОГО НЕТ

В Дальнем космосе,

ориентировочно – 24/25 января 2280 года

Если бы в радиусе, достаточном для визуального контакта, очутился какой-нибудь военный или торговый рейдер, а его капитан вздумал бы выглянуть в иллюминатор, то таковой капитан несказанно бы удивился.

От одного из многочисленных портов искусственной планеты «Форпост-1» отделился небольшой крутобокий катер типа «Морана» без опознавательных знаков. Система транспортного контроля, проверив этот объект, честно известила бы интересующихся – перед вами австрийский лихтер «Дунай», направляющийся с грузом ванадиевой руды на перерабатывающий завод в Солнечную систему. Тот факт, что «Морана» имела к лихтерам столько же отношения, сколько балетная труппа Мариинского театра к производству крепких спиртных напитков, как-то ускользнул от внимания системы. Как и то, что катер направлялся куда угодно, но только не к точке перехода, ведущей к Земле.

«Форпост» выпустил странный борт за пределы охраняемого кольца вокруг станции, в центре управления которой внезапно забарахлили определители массы (кто же будет следить за каким-то неприметным оператором из службы навигации, нажавшим не ту клавишу?), а затем черный кораблик начал все быстрее и быстрее уходить от системы Проксима Центавра. Спустя двадцать минут сенсоры «Форпоста» зафиксировали мгновенный всплеск квантового излучения, свидетельствующий о том, что неподалеку некий объект пересек барьер Лабиринта и исчез из зримого мира.

Небольшая голубовато-белая Проксима не обратила на столь ничтожное событие никакого внимания, занятая любимым развлечением – на поверхности звезды зарождались несколько гигантских протуберанцев. Где-то позади теплым желтым огоньком сияло столь близкое от первого форпоста цивилизации людей Солнце. Одним словом, Вселенная пребывала в своем обычном состоянии полусна.

А на десантном катере «Триглав», как выразилась консультант-ксенолог Мария Ельцова, царили страсти в духе Ф. М. Достоевского.

* * *

– За ноги вашу мамашу! – ярился Казаков. Остальные с пиететом внимали. – Мне еще в Академии говорили – не лезь в большую политику, пропадешь!

На закрытое экспромтное совещание в тесной пилотской кабине были приглашены только офицеры, Маша Ельцова да доктор Гильгоф, как человек из ближайшего окружения адмирала Бибирева. Все-таки он работал на Контору долгие годы и мог хотя бы предположить, что означают подобные выверты.

Под словом «выверты» понималось следующее.

После того как закончился разговор с футуристическим Дедом Морозом, явившимся на челнок с помощью направленного трансляционного луча, и «Триглав» стартовал с орбитальной станции, события вроде бы вошли в надлежащую колею: как и обещал адмирал, катер не был задержан в пределах границы обитаемого мира, никто на «Форпосте» и ухом не повел, что все судовые файлы системы опознавания «свой-чужой» являются виртуозной подделкой. Сам «Триглав» преспокойно начал разгон до точки перехода.

Как известно, уходя в глубины гиперпространства, корабль превращается в блуждающий атом, находящийся во «второй Вселенной», в ином плане бытия. Реальность мира сохраняется только под защищенной гиперполем оболочкой модуля, а что творится снаружи – неизвестно. Доподлинно были установлены лишь несколько аксиом: радиоволны тут не проводятся, свет, пространство и время невероятно искажаются, а следовательно, никакая связь с настоящим материальным миром невозможна. Не работает даже Планкова связь.

Именно поэтому лейтенант Сергей Казаков, как начальник сомнительной экспедиции, принял решение вызвать большое начальство, курирующее операцию «Рюген», на аварийной частоте до момента лабиринтного прыжка.

Результаты вызова оказались не просто сногшибательными, а шокирующими в степени N.

Безусловно, Казаков и его прямой помощник, капитан Реммер, отлично знали, что если «Триглав» выйдет на связь обычным образом, любая служба транспортного контроля Российской империи заявит: «Подобного корабля в регистрах не значится», а затем, чего доброго, натравит на неизвестных военный рейдер, дабы проверить – что за птичка порхает там, где ее принципиально не должно быть?

Однако существовал запасной вариант, предусмотренный на случай самых чрезвычайных ситуаций. Через сложную систему кодирования и разрешения доступа можно было выйти лично либо на самого адмирала, либо на руководителя проекта со стороны Германии генерал-майора Отто Дитриха. Казаков счел, что экстремальная ситуация наступила. Имелось неопровержимое свидетельство, что операция «Рюген» рассекречена. Что самое обидное – не после ее завершения, но в самом-самом начале.

«Дед Мороз» доказал это так же просто, как бином Ньютона.

У Ельцовой возникли смутные подозрения – не вмешался ли снова Удав Каа? Все-таки он узнал о намерениях Бибирева в тот же самый день, когда состоялось совещание в Зимнем дворце... Кроме того, адмирал упомянул, что таинственный Машин собеседник является не только хорошим программистом, а скорее кибергением. Лишь подобный человек мог походя взломать систему защиты бортового компьютера «Триглава» и, плюнув на все шифры и кодировки, выйти на прямую связь. Если эта нелепая выходка с Дедом Морозом и грозными предложениями действительно была устроена Удавом Каа, то возникает крайне неприятный для всех членов экспедиции вывод: ему на самом деле требовалось срочно предупредить экипаж «пиратского» катера. Но предупредил он самым странным образом. Проще было самому сесть перед видеокамерой и все объяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.